

Немецкая старина

КЛАССИЧЕСКАЯ
И НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ
ГЕРМАНИИ
XI — XVIII ВЕКОВ

Переводы
ЛЬВА ГИНЗБУРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1972

Оформление художника

С. Данилова

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Около ста лет тому назад в России вышла знаменитая антология Гербеля, которая включала в себе образцы немецкой поэзии с 1200 года по 1877-й. Это была первая попытка представить русскому читателю поэзию немцев в столь полном объеме, собрав воедино наиболее удачные переводы, выполненные поколениями русских поэтов. Среди переводчиков книги читатель находил имена Крылова, Жуковского, Лермонтова, Тютчева, А. К. Толстого, Фета, М. Михайлова, Тургенева, Случевского, Аполлона Григорьева, Полонского,— перечень достаточно красноречивый, как бы сам по себе подтверждающий верность пушкинского замечания, что русская поэзия «более и более дружится с поэзией германскою».

Наверно, стоит задуматься над внутренними причинами этой дружбы, имеющей, конечно же, значение не только литературное. Во всяком случае, сегодня у нас есть все основания утверждать, что немецкой поэзии в России «повезло», что «сумрачный германский гений», который был так внятен Блоку, отразился едва ли не в лучших творениях русской переводческой школы (включая переводы самого Блока), от Жуковского до

Пастернака, чье исполнение «Фауста», может быть, с наибольшей силой проявило это причудливое родство муз.

В классической немецкой поэзии русских привлекала возвышенная духовность, обостренный интерес к человеческой личности, страстность философской мысли, богатство фантазии, лад стиха.

Еще Фет обратил внимание на особенности этого лада, сугубо народного, рожденного национальной психологией, когда он писал, что немецкие стихи, «родившись в собственной народной утробе, несмотря на полировку, приданную им Виландом, Шиллером и Гете, никогда не могли разорвать связи с средневековым Knittelvers'e Ганса Сакса...».

Knittelvers — немецкий балаганный раек, с его спотыкающимся ритмом и наивными парными рифмами, словно предназначенный для скороговорок ярмарочных балагуров, этот с виду простодушно-дурашливый, а на самом деле рассудительный, лукавый и крижистый плебейский стих, оказался эмоциональным, музыкальным и философским ключом для проникновения в сердцевину и гетевского «Фауста», и трилогии Шиллера «Валленштейн».

Национальный дух, воплощенный в поэзии, выражается в ритмах, так же как в живописи он выражается в красках. Услышать эти исконные ритмы — таинственную связь между музыкой и смыслом — значит услышать биение народного сердца: именно такую задачу ставил передо мной почти каждый автор, представленный в этой книге, и прежде всего в своем «Лагере Валленштейна» Шиллер.

«Лагерь Валленштейна», подобно «Фаусту», — итог, конечный результат пяти- или семивекового развития немецкой поэзии. Им заканчивается «старина» и начинается новая эпоха. Изначально-народное отношение к жизни и к смерти, к религии, к историческим событиям

и персонажам, нравственные народные идеалы, быт и фольклор — все это воспринято и представлено здесь в чистом виде, достоверно, без экзальтации романтиков и «романтической иронии». И только железная хватка мастерства, изощренность искусства, подчинившего себе материал, «изначальное», явились тем новым, чего немецкая поэзия прежде не знала.

Собственно, перевод «Лагеря Валленштейна» побудил меня заняться *истоками* и попробовать найти вехи, по которым немецкая поэтическая мысль шла к своим главным вершинам.

Одной из таких вершин бесспорно является творчество Ганса Сакса, целиком выросшее из немецкого городского фольклора. Этого майстерзингера из нюрнбергского сапожного цеха отличало редкостное нравственное здоровье, трезвость ума, демократизм и нетерпимость к порокам.

Два с половиной столетия спустя молодой Гете причудливо истолковал в своей небольшой поэме вымышленную гравюру, изображающую Ганса Сакса в момент творчества. Более всего Гете оценил то свойство, которое роднит Ганса Сакса с Альбрехтом Дюрером — великим художником Возрождения: здравый смысл, умение видеть мир «во всей его правде и точности, во всей его жизненной сочности».

Гетевская поэма, представляющая сама по себе большой интерес, помещена в эту книгу и как некий поэтический комментарий к саксовскому «Извлечению дураков». Я уже не говорю о том образе народного, плебейского поэта, «славного мастера», который под гетевским пером обрел особое обаяние. Однако стоит вчитаться в эту поэму еще с одной целью: в нарочито небрежных, как бы неряшливых строках, в очертаниях персонажей, в лирическом и философском подтексте есть нечто сближающее это раннее произведение автора «Фауста» с народной поэзией.

За двадцать лет работы удалось обнаружить далеко не всё, а перевести — лишь небольшую часть найденного. И все же я решаюсь поместить под одной обложкой стихи восьми столетий, принадлежащие разным авторам, но связанные единым началом. Не претендуя на какой-либо «антологический охват», я хотел бы еще раз продемонстрировать читателю наиболее дорогие мне открытия, стихи, в которых с особой отчетливостью предстают Германия и немцы, и напомнить некоторые страницы моих прежних сборников (например, «Немецкие народные баллады», «Слово скорби и утешения», «Лирика вагантов» и др.), а также впервые обнаружить в своем переводе великую поэму немецкого средневековья — «Бедный Генрих» Гартмана фон Ауэ (1195 г.).

Когда-то Гауптман драматизировал эту поэму, снабдив свою пьесу подзаголовком: «германское сказание». И действительно: в этой средневековой легенде, с ее крепкой земной основой и тягой к возвышенному, идиллической созерцательностью и драматизмом событий, простодушием и философичностью, сказались поэзия и правда народной жизни. Именно эта поэзия и эта правда заставили Гартмана фон Ауэ, миннезингера, автора рыцарских романов, забыть о канонах рыцарской литературы и в острейшем, хотя и вовсе не назойливом конфликте, столкнуть гордого феодала с простой и отважной крестьянской девушкой, показав путь к нравственному очищению. В поэме — реальные жизненные обстоятельства: в конце XII века проказа, лепра, буйствовала в Европе, уносила в могилу миллионы людей, от нее нельзя было укрыться ни в крестьянской хижине, ни за толстыми стенами феодального замка. Поисками спасительных лекарств занимались и самые просвещенные медики Монпелье и Салерно, и рыночные шарлатаны. Но в поэме Генрих чудесно исцеляется не только от проказы, а от еще более страшной болезни: от сомнения, преступного себялюбия, от паралича души.

Конечно, Гартман фон Ауэ использовал в своей поэме фольклор, народные предания Швабии, однако, работая над переводом «Бедного Генриха», я становился свидетелем силы авторской личности и авторской воли, вторгающейся в фольклор, перерабатывающей его и подчиняющей своему замыслу. Автор нигде не растворяется в сюжете, возвышается над персонажами, с помощью отступлений (иногда помечаемых скобками) комментирует их поступки, выходит за рамки сюжета, как на прощениум, чтобы начать прямой разговор с читателем,— то есть прибегает к приему, который в наши дни принято называть «нарушением театральной иллюзии». Впрочем, и разнообразие ритмических ходов, и необычайная для того времени изысканность рифмы заставляют подумать о том, что все поэтические новшества XX века родились не на пустом месте, не с неба упали, а имеют свою давнюю историю и предысторию.

Работа над «Бедным Генрихом», как и над предшествовавшей ему книгой переводов «Лирика вагантов», вновь убеждала в том, насколько неточны и превратны расхожие представления о средневековой литературе, как о литературе мертвой, схоластической, целиком подчиненной церковным догмам.

Напротив, средневековая поэзия в лучших своих образцах внушает утешительную мысль о непрерывности поступательного развития человеческого духа, который невозможно сжечь на кострах инквизиций...

Я назвал эту книгу «Немецкая старина», а между тем, перелистывая сейчас ее страницы, думаю, что речь здесь идет не столько о старине, сколько о молодости человечества и его культуры. Есть старинная поэзия, есть и поэзия старины. Не от того ли так привлекают нас гравюрные улочки старинных европейских городов, готические, старинные соборы, книги, картины, рукописи, старинные предания и напевы, что, приобщаясь

к ним, мы приобретаем к молодости европейской культуры, осознаем свою причастность к «священным камням Европы»?..

Разумеется, к старине можно отнестись по-всякому. Немецкие националисты и расисты возводили национальную старину в культ, пытаясь соорудить с ее помощью некую духовную запруду. «Исконное», «истинно немецкое», «почва» объявлялись высшим этическим и эстетическим критерием, пафосно и зловеще возвеличивалось «арийское начало», якобы заложенное в немецком фольклоре.

Стоит, однако, обратиться к первоисточнику, к немецким народным песням и балладам, чтобы увидеть, насколько народное творчество, чуждое какой-либо национальной спеси, открыто всем народам, как высоки в нем чувства добра, социальной справедливости, братства между людьми. Недаром Гейне когда-то сказал: «Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочитать их народные песни...»

С особой силой эта «лучшая сторона» проявилась в литературе XVII века, в немецкой лирике времен Тридцатилетней войны, когда «среди множества скорбей» прозвучал голос поэзии: пророческие стихи Грифиуса, Опица, Флеминга, Гергардта, а также безымянных певцов — великие поэтические свидетельства и великие духовные ценности, не растроченные и в наши дни. Не кто иной, как Бехер, в известной антологии «Слезы отечества» сделал старых поэтов «немецкого барокко» своими союзниками в борьбе за мирное и гуманистическое возрождение немецкого отечества, со старым Гриммельсгаузенем перекликается в «Матужке Кураж» Брехт, поэзия XVII века все больше привлекает к себе внимание самых различных поэтов, пишущих на немецком языке.

Что же касается литературной подосновы шиллеровской трилогии, то думаю, что соседство на страни-

цах одной книги поэтов Тридцатилетней войны с «Лагерем Валленштейна» позволит еще лучше понять силу шиллеровского историзма и реализма, достоверность его психологических характеристик, а подчас обнаружить прямое лексическое или интонационное совпадение его «Лагеря» с поэзией той эпохи. Переводчику радостно было сделать открытие, что фольклорность «Лагеря», которую приписывали исключительно одному лишь влиянию Гете, заложена в материале этой драматической поэмы и в раннем творчестве самого Шиллера. Так, непосредственно к «Лагерю Валленштейна» примыкают юношеские стихи Шиллера («Мужицкая серенада», «Вытрезвление Бахуса»), хотя и отделенные от «Лагеря» семнадцатью—восемнадцатью годами, но связанные с ним лексическим и интонационным родством...

Всякий раз, когда мне приходится бывать в старинных немецких городах, я захожу в университетские библиотеки, по деревянным, скрипучим лестницам спускаюсь в лавки букинистов, и тогда в моих руках оказываются сокровища.

От этих порыжевших от времени книг исходит высокий дух гуманности, добра, мудрости. И мне хочется, чтобы найденные мной стихи, зазвучав по-русски, дошли до нашего читателя, чье сердце широко распахнуто поэтам всех времен и народов.

Лев ГИНЗБУРГ

Бедный Генрих

Гартман фон Ауэ

На свете рыцарь Гартман жил,
усердно господу служил
и читывал, бывало,
мудреных книг немало.
Иная повесть давних дней
стара как мир, но скрыто в ней
не просто развлечение —
скорбящему лечение
и утешенье в трудный час,
но и молитва про запас,
а также в равной мере
призыв к любви и вере...
Да, Гартман выдумал не сам
рассказ, что он расскажет вам:
здесь все из книжек взято,

им читанных когда-то.
Но не сочтите за порок,
что он в начало этих строк
вписал свое прозвание,
в надежде на признание
и на заслуженный почет,
чтоб вы, кто труд его прочтет,
воскликнули бы с жаром:
«Сей Гартман жил недаром!
Недаром жил, писал не зря,
и пусть небесного царя
с ним будет милосердьё
за все его усердьё!..»
Так из истории одной,
рожденной швабской стариной,
проведал Гартман ныне
о юном господине:
он был красив, изыскан, смел,
он недостатков не имел,
нет, люди в нем приметили
одни лишь добродетели.
Ничем судьбой не обделен,
высокороден, щедр, умен,
богат и, как известно,
прославлен повсеместно,—
он всем богатствам предпочесть
мог незапятнанную честь
и неподкупность совести,
как явствует из повести.
Он звался Генрих... Здесь у нас

мы, в графстве Ауэ, много раз
слыхали это имя
не наравне с другими,
а средь отважнейших бойцов,
кто до конца стоять готов,
не отступив ни шагу,
служа любви и благу...
Итак, продолжим наш рассказ.
Был Генрих верности алмаз,
зерцало чистой радости,
венец беспечной младости,
корона скромности святой
в соединенье с добротой,
щит и опора слабым...
Недаром был он швабом!
Он в каждом деле меру знал
и всякий труд воспринимал
как доброе деяние
и щедрое даяние,
ниспосланное нам творцом...
И, наконец, он был певцом,
в стихах любовь воспевшим,
в искусствах преуспевшим:
его столь внятный, честный слог
любое сердце тронуть мог,
и чуть ли не полсветом
он признан был поэтом...
И вот, когда, казалось бы,
сей юный баловень судьбы
мог цвести, почет вкушая,

стряслась беда большая.

Беда стряслась — и грянул гром,
и Генрих, как Авессалом,
скорбя, познал мгновенно,
что все на свете бренно,
что и на пиршестве подчас
подстерегает гибель нас,
о чем упоминанье
имеется в Писанье...

Смертные! С истиной этой не спорьте:
«*Media in vita sumus in morte*» —
то есть: «Средь жизни мы в лапах у смерти».

К себе изречение это примерьте.

Самые сильные, стойкие, смелые —
все мы как груши сгнием переспелые.

О, приглядитесь к горению свечи,
рьяно пылающей в темной ночи!

Разве она, что ваш дом озаряет,
в рвенье бездумном дотла не сгорает?

Свет ее ярок, да короток век.

И не подобен ли ей человек?

Как бы мы ни были жизнью испытаны,
плоть наша тленна, а дни наши считанны.

В горьких слезах угасает наш смех.

(Это, к несчастью, касается всех.)

Желчью сладчайшие блюда приправлены,
ядом медовые вина отравлены,
ветер внезапный, свиреп и жесток,
в пору цветенья срывает цветок...

Все это Генрих на себе
узнал, когда в его судьбе
внезапно и мгновенно
свершилась перемена.
Слепой ли в том виновен рок?
Нет! Кто, от господа далек,
ликует безмятежно,
тот гибнет неизбежно!
Итак, возросший средь забав,
богач, красавец, юный граф
был поражен проказой —
зловещею заразой.
И только признаки беды,
недуга страшные следы
на юном этом теле
сторонние узрели,
как отвернулись от него
немедля все до одного,
те, кто делил с ним смладу
беспечных дней усладу.
Он сразу стал невыносим
всем, кто еще недавно с ним
(что было крайне лестным!)
в родстве считался тесном.
Такой же в точности удел
злосчастный Иов претерпел,
когда к нему вломилась
всевышнего немилость.
Но если, истину ища,

воспринял Иов не ропща
костей своих гниенье
как волю провиденья,
и рад был до скончанья дней
во всем повиноваться ей,
и в столь ужасном виде
не будучи в обиде
на грозный божий приговор,
а устремивши к небу взор,
всевышнему молился,
чтоб тот к нему явился,
то бедный Генрих средь невзгод
взроптал на человечий род,
в переизбытке горя
с самой природой споря.

Он, погрузясь в кромешный мрак,
поник, осунулся, обмяк,
забилося сердце глухо
за недостатком духа.
И стал его бессмыслен взгляд,
и мед преобразился в яд,
и тучей день затмился:
так тяжело он томился.
И свет в очах его померк,
он мир презрел и жизнь отверг,
прокляв без снисхожденья
час своего рожденья.
Но духом он воспрянул вдруг,

прослышав, что его недуг
относят к излечимым
по еле различным
оттенкам кожи на лице,
что где-то, в некоем сельце,
был кем-то кто-то встречен,
кто полностью излечен.
И в Монпелье он держит путь,
дабы надежду почерпнуть
и с помощью лекарства
избыть судьбы коварство.
Но горек был врачей ответ:
лекарства от проказы нет.
И он, скорбя безмерно,
направился в Салерно.
Но, к сожалению, и там,
попав к великим докторам,
он не добился толку
и плакал втихомолку,
мечтая все-таки найти
того, кто б мог его спасти,
и с лекарем первейшим
он встретился в дальнейшем.
И от него услышал весть:
«Ты излечим, лекарство есть,
но верить в исцеление
напрасно тем не менее...»

Стал Генрих бледен, как мертвец.
«Я не пойму тебя, мудрец!

Ты сердце мне не мучай
Загадкой этой жгучей.
Коль я и вправду исцелим,
лечи меня питьем своим!
Излечишь — и богатой
тебе воздам я платой:
алмазы, жемчуг, изумруд...
А хочешь — самый тяжкий труд
я выполню с охотой,
спасен твоей заботой...»

«Алмазы, жемчуг... Что за вздор! —
Ответил врач, потупив взор.—
Поймите, бога ради:
тут дело не в награде.
Открыть вы просите секрет?
Что ж... Я б открыл, да толку нет.
Ведь в том-то и коварство,
что есть одно лекарство,
которое бы вас спасло,
все ваши беды унесло,
но я даю вам слово —
нет молодца такого,
чей ум, богатство или власть
могли б добыть, отнять, украсть,
купить хоть за полцарства
заветное лекарство.
Жаль, что и я помочь не смог.
Отныне врач вам — только бог...»
Как громом пораженный,

стоял наш прокаженный:
«Я проклят богом и людьми!
Богатство, деньги — все возьми,
вплоть до моей одежды.
Но не лишай надежды!»
И врач — светило из светил —
страдальца в тайну посвятил:
«Услышать приготовься:
то — не лекарство вовсе!
То — не питье, и не трава,
и не волшебные слова,
то — силы неба, где вы?! —
кровь убиенной девы!
Невинную должны убить,
чтоб мог ты кровь ее добыть
и, той омывшись кровью,
вновь обрести здоровье!
Но знай: насилье и разбой
тебе заказаны судьбой!
Здесь надобно желанье
идушей на закланье.
Но обойди хоть целый свет,
кто бы хотел во цвете лет
погибнуть за другого?!
Я не встречал такого!
И вряд ли девственницы есть,
что были б рады предпочесть
сей нашей жизни грешной
могильный мрак крошечный...
Итак, прощай, мой бедный друг.

Я все сказал... Замкнулся круг...
Но всемогущ спаситель —
единственный целитель».

И бедный Генрих отчаялся крайне,
приобщенный к великой и страшной тайне:
в этом мире никто за него умереть не захочет,
даже если проказа его источит!

И тогда решил он домой возвратиться,
чтоб добром своим вовремя распорядиться,
ибо жить на свете осталось мало
и надежд у него никаких не стало.

Так окрестные монастыри и аббатства
получили весьма большие богатства
от лица, оставшегося неизвестным,
с пожеланием к настоятелям местным,
чтоб они за душу его помолились
и чрез это грехи чтоб ему простились...
К небывалым страданиям став причастным,
он тайком помогал горемычным, несчастным,
своим дальним родичам обнищавшим,
даже в доме его никогда не бывавшим.

И у многих довольством нужда сменилась,
и казалось, что все это им приснилось.

Ну, а бедный Генрих решил понемногу
собираться в последнюю дорогу,
а куда укрыться от всех подале,
чтобы люди и вовсе его не видали.

Но куда бы он ни пришел, ни вышел,
всюду стон стоял, всюду плач он слышал:

«О господь! Прегрешения отпусти нам
и над нашим смилуйся господином!»
Это — слух пополз о его болезни...
Сам же он, оказавшись в бездонной бездне,
тоже горько стонал и, терзаясь люто,
все искал утешения и приюта.

Долго Генрих бродил по дорогам окольным
и сошелся с одним хуторянином вольным.
Хуторянин в достатке жил и в покое
(крепостным и не снится житье такое:
целый век их давит поборов бремя,
и в ярме они попираемы всеми)...
То-то радость Генриху!.. Раб его бывший,
снисхожденье господское заслуживший,
получивший волю из графских рук,
стал богаче всех прочих крестьян вокруг.
До чего же Генриху видеть приятно
мужика, живущего столь опрятно,
неустанно занятого трудом!..
И с отрадой вступил он в сей мирный дом.
И хоть Генрих весь в язвах был от проказы,
хуторянин не убоился заразы,
а принял гостя с великим почтеньем,
чтобы скрасить болезнь ему своим попеченьем.
То бог вложил в простолюдина
чистую душу христианина.
Он крепок телом. Его жена
мила, дородна и мужу верна.
И дети украшают дом,

на радость матери с отцом.
И в этой вот семье простой,
сияя кротостью святой,
нежнее ангелочка,
росла меньшáя дочка.
Она, еще дитя почти,
годов не больше девяти,
дышала лишь Христовым
учением и словом.
И так она решила жить,
чтобы однажды заслужить
его благоволенье,
хоть на одно мгновенье.
Казалось, тот, кто вездесущ,
ее взрастил средь райских кущ:
в ней, созданной предвечным,
все было безупречным...
Старшие — сестры или брат —
порой держаться норовят
(без умысла дурного)
подальше от больного.
Зато *она* все время с ним
(о, как порыв сей объясним!),
все дни над ним хлопочет,
расстаться с ним не хочет.
Невиннейшее существо,
она в страдании его
господень перст узрела,
и сила в ней созрела.
И Генрих привязался к ней.

Ах, дружбы чище и верней
ведь и на самом деле
он не встречал доселе.
И он дарил ей все, что мог:
то зеркальце, то поясок,
то новую гребенку.
Что́ надобно ребенку?..
И добрым словом привечал,
и шутки ради величал,
без тени мысли скверной,
своею благоверной.
И этим прозвищем горда,
она и вправду никогда
его не покидала
и вместе с ним страдала.
И то была Христова кровь,
жизнь, перешедшая в любовь,
что в детском сердце этом
пылала дивным светом...
И так три года истекло.
И хоть страдал он тяжело,
а немощное тело
почти что омертвело,
согрет был Генрих тем теплом,
что согревало этот дом,
в семействе, столь счастливом,
сколь и благочестивом.
Желая Генриху помочь,
все трое — мать, отец и дочь —
по вечерам сидели

вблизи его постели...
Так и в ненастный вечер тот,
уставши от дневных забот,
все пребывали снова
у бедного больного
и горевали вместе с ним,
что злобный рок неумолим...
Хозяина немало
грядущее пугало,
и вправду знал он наперед,
что вслед за тем, как граф умрет,
придет властитель новый,
воистину суровый,
кто их нещадно разорит...
И хуторянин говорит:
«Вы нас не обездольте...
Вопрос задать дозвольте!
О, наш любимый господин,
хоть я и дожил до седины,
соображаю скверно:
я слыхивал, в Салерно
полно великих докторов,
презнаменитых мастеров.
Что толку в их науке,
коль длятся ваши муки?..»
И бедный Генрих зарыдал:
«Я твоего вопроса ждал.
Но лекарь здесь не нужен:
сей жребий мной заслужен...»
«Да,— Генрих, всхлипнув, продолжал,—

я, жалкий червь, воображал,
что я добыл по праву
богатство, власть и славу
и что открыты предо мной
ворота радости земной,
что ждут меня утех
за некие успехи.
Но позабыл я лишь одно:
все это богом мне дано,
а то, что им дается,
то и назад берется.
Так я, глупейший из глупцов,
вообразил в конце концов,
что обойдусь без бога,
имеючи столь много
земель и всякого добра,
и коль судьба ко мне добра,
то ждут меня тем паче
всегда одни удачи,
что все добыть могу я сам,
не обращаясь к небесам...
И вот я гибну ныне
из-за своей гордыни!
Небес захлопулись врата,
иссякла божья доброта,
его любви мне не вернуть,
мне в светлый рай заказан путь,
за спесь меня казнит господь,
вконец моя прогнила плоть,
страшны мои мучения

и нет мне излечения!
Глумленья злых людей сношу,
от добрых спрятаться спешу,
чтоб жутким обликом своим
не омрачать веселья им,
и сам стыжусь уroda,
которого природа
лишила попросту всего:
ведь я уродливей его.
Вот что такое гнев господень!..
Однако сколь ты благороден,
ты, и жена твоя, и дочь!
Меня вы не прогнали прочь,
судьбы не утрашились,
а как бы приобщились
к огню, в котором я горю.
Но чем вас отблагодарю?
Ведь я-то жду, поверьте,
всего лишь близкой смерти.
Так есть ли на земле на всей
беда ужаснее моей?
И я, в предсмертной боли,
не властелин ваш боле.
Но вы, достойная семья,
ты, *благоверная моя*,
поверьте, что сторицей
(небесною клянусь царицей!)
воздастся вам когда-нибудь
за вашу праведную суть,
за все добросердечье

к познавшему увечье...
Ну, а теперь на твой вопрос
отвечу, не скрывая слез:
в Салерно, в самом деле,
провел я две недели.
У всех врачей перебивал,
но тщетно, тщетно к ним взывал
и слезы лил обильно:
искусство их бессильно!
И вдруг, представь, я узнаю:
чтоб излечить болезнь мою,
на смерть должна решиться,
ножа не утрашиться,
одна из мужественных дев,
что, смертный страх преодолев,
под нож зловещий ляжет,
себя убить прикажет.
И нож ей сердце рассечет,
и кровь из сердца потечет,
и, той омывшись кровью,
я обрету здоровье.
Но так уж создан род людской,
что не найти души такой,
которая готова
погибнуть за другого.
И обречен я на позор,
пока господень приговор
не снимет в час кончины
с меня моей кручины...»
И, услышав, что Генрих сказал отцу,

обратила дева молитвы к творцу,
и она стояла в ногах господина,
словно ангел небесный, чиста и невинна.
И пока говорил он, она замерла
и слова его в сердце своем заперла,
чтобы спрятать их там до глубокой почвы,
и слеза ей туманила ясные очи.
А когда опустилась ночная мгла,
она сон родительский стерегла,
и, в ногах у них лежа, едва дышала,
и слезами ноги их орошала.
И тогда проснулись отец и мать,
и они не могли ничего понять:
отчего их дочь лишилась покоя,
не стряслось ли с ней несчастье какое?
Не хотела она сказать ни слова,
но отец посмотрел на нее сурово,
и она, повинувшись отцовской воле,
отвечала: «Страшусь я ужасной доли,
ожидающей нас, как сразит кончина
дорогого нашего господина.
И добро и честь мы тогда утратим,
навсегда отмеченные проклятьем.
Не дожидаться такого графа нам боле,
и опять мы окажемся в злой неволе».

«Ты права,— родители отвечали,—
мы и сами-то вне себя от печали.
Но хоть жизнь безрадостна и жестока,

в причитаниях наших не много прока.
Не поможем графу мы ни слезами,
ни своими жалостными словами.
И пускай нас самих ожидают напасти,
изменить все это не в нашей власти.
Мы вельню господу не перечим,
так что, видишь, графу помочь нам нечем...»

Крестьянин мнил утешить дочь,
а между тем она всю ночь
ни разу не сомкнула глаз,
и жар в ее груди не гас.
И снова сутки протекли,
вновь спать родители легли,
а дева в то мгновенье
свершает омовенье.
Во глубине ее души,
в той заповеданной тиши,
решение созрело:
пасть за святое дело!
Недетской твердости полна,
молилась истово она.
Ах, как легко и сладко
до капли, без остатка,
за господина жизнь отдать!
О, только бы отец и мать,
и граф, в своей печали,
перечить ей не стали!
Ужасен был бы их запрет!
Где явь? Где сон? Где смысл? Где бред?..

О небо! Смилуйся над ней!..
Но тут родительских ушей
стенания коснулись,
и мать с отцом проснулись.

«Да что же ты с собой творишь?
Да ты вторую ночь не спишь!
И мы не спим из-за тебя!
Утешься... Пощади себя...
Господь терпел и нам велел.
И состраданью есть предел:
да ты сама едва жива!..»

Увы! Напрасны все слова!
(О мыслях, что в ней созревали,
крестьяне не подозревали.)
Тогда ответила она:
«Погибнуть скоро я должна
за господина своего!
Да вы ведь сами от него
узнали обо всем подробно...
Что исцелить его способно,
известно, стало быть, и вам.
И я ему всю кровь отдам,
лекарством нужным обладая:
чиста, невинна, молода я,
и хватит духа у меня,
жестокой смерти не кляня,
пасть ради графа дорогого,
коли нет выхода другого!»

Отец и мать в печали
сладчайшей отвечали:
«Забудь, забудь об этом, дочь.
Не в силах ты ему помочь,
ведь ты совсем еще дитя,
а смерть приходит, не шутя,
кого угодно скосит
да имени не спросит.
Благодарение судьбе,
со смертью встретиться тебе
с тех пор, как ты родилась,
еще не доводилось.
А что такое «умереть»?
Вовек не просыпаться впредь,
вовек не видеть света.
Пойми, что значит это!..
Страшись к сей бездне подойти!
Назад оттуда нет пути:
моления безответны,
а сожаленья тщетны.
Спешим тебя предостеречь:
смотри, идет о жизни речь!
А что — помилуй боже! —
на свете есть дорожке?..»
Так бедные отец и мать
пытались дочь увещевать
то ласковым и добрым словом,
то наставлением суровым.

И дочь сказала, наконец:
«Мой добрый, дорогой отец!
Хоть небогата я умом,
и прежде знала я о том,
что смерть, сжирая все живое,
в мои года страшнее вдвое.
Но кто до старости дотянет,
счастливей все равно не станет.
Ведь смерть нагрянет и к нему,
и все, чем жил он,— ни к чему!
Увы, не стоило трудиться,
на свет не стоило родиться,
когда нам, смертным, суждено,
сейчас ли, завтра,— лишь одно!
Я предпочту иную участь:
угаснуть в юности, не мучась,
и вместо жизни быстротечной
вкусить улады жизни вечной.
Я знаю: милостивый бог
меня допустит в свой чертог,
и нет у нас причины
для столь большой кручины...
Родимые отец и мать!
Молю: не надо горевать,
на небо негодуя.
Все беды отведу я
от дома нашего, от вас.
Едва пробьет мой смертный час,

воспрянет повелитель —
наш добрый покровитель.
Коль будет здравствовать наш граф,
никто не тронет ваших прав,
но бедствия неотвратимы,
коль смерть его не отворотим мы.
Теперь вам ясно, почему
свой жребий с легкостью приму.
Пора спешить, пока не поздно!
Бедна нависла грозно!..»
Мать безутешно слезы льет:
«Душа-то у тебя не лед!
Ты только, доченька, подумай,
как много в жизни сей угрюмой
познали горя мы и зла,
покуда ты не подросла!
Все, что смогли, тебе мы дали,
но не такой мы платы ждали.
За что же ты мне сердце рвешь?
Нет! Замысел твой нехорош!
Ведь ты, давая свой обет,
ввергаешь нас в пучину бед.
Иль не заведено творцом
читать после бога мать с отцом?
Иль бог послушным детям
не платит долголетьем,
чтоб после их принять в раю?!
Ты молодую жизнь свою
сама отдать нам рада?
Нам этого не надо!

На что он, граф, с его добром?
Коль ты умрешь, и мы умрем,
лишившись дочери родной:
ведь живы мы тобой одной.
Ты в жизни всем была для нас:
отрадой старых наших глаз,
и солнечным весенним светом,
и девственности юным цветом,
успевшим дивно расцвести,
была нам посохом в пути,
была нам нашим раем...
И мы тебя теряем?!
Беспомощные старики,
ужель, рассудку вопреки,
мы жить должны в тоске постылой,
рыдая над твоей могилой?
Нет, дочка, этого не будет!
Иначе бог тебя осудит!..»

И дева отвечает ей:
«Что есть родителей родней?
Какими высказать словами,
в каком долгу я перед вами?
Любовью вашей рождена,
сколь щедро я награждена!
Без вас была бы я несчастна:
я это помню ежечасно.
Вы дали сердцу моему
любовь и силу, страсть — уму

и наделили красотою,
которой, может, я не стою:
повсюду люди говорят,
что на земле на всей навряд
еще отыщется девица,
что красотой со мной сравнится.
И не было б страшнее зла,
когда б ослушаться могла
или обидеть вас коварно
я, кто навек вам благодарна!..
Тебя, моя родная мать,
святой готова я назвать.
Так загляни в мою ты душу:
с годами я все больше трушу,
чтоб твердый дух мой не ослаб
и жертвой сатанинских лап
внезапно плоть моя не стала,
чтоб муки я не испытала,
вдруг над собой утратив власть!
О, как легко в безумье впасть!
Но где ж душе ограда
от злобных козней ада?!
Жизнь — это пагуба одна:
смущает души сатана.
О, горе! Постепенно
мы катимся в геенну.
И хоть всемилостивый бог
меня пока что уберег
от вожделий грязных,
таящихся в соблазнах,

от низменных мирских сует,
я все ж страшусь: с теченьем лет
не устоять пред искушеньем,
что будет небу поношеньем!
Страшусь, что овладеет мной
та жажда радости земной,
та дьявольская сила,
что столько душ сгубила!
И пусть я завтра поутру
по воле господя умру,
я снова повторяю:
не много я теряю!
Что жизнь? Ее услады — яд,
любовь — беда, томленье — ад,
ее богатство — нищета,
а долголетие — тщета,
желание порочно,
и все в ней, все непрочо.
Цвет вянет, старятся сердца,
и лишь страданьям нет конца,
лишь смерть, что окаянна,
прочна и постоянна.
И от нее вас не спасут
ни светский, ни духовный суд,
ни знатное происхожденье,
ни щедрое вознагражденье,
ни власть, ни ум, ни красота,
ни сладкозвучные уста:
она, хоть миру ненавистна,
в известном смысле бескорытна.

Что ей бесчестье? Что ей честь?
Что прямодушие? Что лесть?
Что истина? И что обман?
И жизнь и юность — все туман!..
Да, все вокруг туман и пыль...
Покрыта мерзостная гниль
богато вышитым ковром...
Сие не кончится добром!
По топи человек идет:
путь в преисподнюю ведет!..
Так стоит ли себя терзать,
моя возлюбленная мать,
коль дочь любимая твоя
стремится в лучшие края,
в надзвездные пределы
от грозного удела?
Ведь платят дорогой ценой
за счастье дочери родной!
Ты в этом убеди отца.
Несчастный! Нет на нем лица.
Утешь его и успокой:
он мучим страхом и тоской.
Увы, в слепой любви ко мне
постичь не может он вполне,
какое все мы вскоре
преодолеем горе!
Лишь я навек сомкну глаза,
тотчас рассеется гроза
и, может быть, на годы
минут вас невзгоды.

Но предположим: год иль два
я буду все еще жива,
а наш заступник умирает —
и новый князь нас разорвет.
Скажи, что ждет меня тогда?
Неодолимая нужда,
забота о голодном муже?!
Такая участь — смерти хуже.
Однако ты себе представь
на миг совсем другую явь:
граф жив, и я жива-здорова,
никто нас не лишает крова,
я графу бедному служу.
Но вот я замуж выхожу:
не за него, а за другого!
Ты спросишь: «Что же тут дурного?»
Так знай: коль мужа люблю,
то господина оскорблю.
А мужа коль возненавижу,
тем самым господа унижу.
А это — смерть. А это — ад...
О, нет мне, нет пути назад!
Я жизнью тягочусь земною.
Но день настанет — и за мною,
уставшей от забот земных,
небесный явится жених,
тот, кто меня столь долго жаждет,
по ком больное сердце страждет,
кому бы я отдать хотела
жар моего молодого тела,

жених мой — земледелец вольный,
отрада деве богомольной.

Легко за плугом он идет
и чудо-борозды ведет.

И в том крае нет ни морозов, ни зноя,—
достаток в домах, изобилье сплошное,
и там куры недохнут, телята не мрут
и детишки голодные не орут.

Ни жажды, ни голода там не знают,
ни о чем не печалются, не страдают,
несчастья не тяготеют над ними.

Старики там становятся молодыми.

Не грозят им ни паводком, ни пожаром.

И работать не надо — бери все задаром!

Вот куда я стремлюсь, мать моя дорогая.

Отпусти же дочь свою, не ругая.

Плохо людям, слабым, маленьким, беззащитным:
то огонь, то вода, то еще что грозит нам.

Все, что год создавал, разрушают в мгновение
то пожар, то буря, то наводнение.

Если ты жалеешь меня и любишь,
то запретом дочь свою не погубишь,
чтоб любовь я за нелюбовь не считала
и пред господом нашим, Иисусом Христом,

предстала,

кто различий не делает между мною,
жалкой нищенкой, и королевской женою...

Да, конечно, чтить родителей надо,
эту заповедь помню я, Христа возлюбившее чадо.
Кровь от крови и плоть я от вашей плоти.

Вы, что дали мне жизнь, эту жизнь бережете.

Но еще есть заповедь на скрижали:

чтобы мы также и самих себя уважали

и чтоб верность сами себе мы хранили

и свое достоинство не уронили.

Говорят, так часто на свете бывает,

кто других веселит, тот порой о себе забывает,

восхваляя других, сам впадаешь порой в унижение,

почитая других, вдруг теряешь к себе уважение.

Да, я буду любить вас, до гроба вам верной

останусь,

но себя не унижу, с мечтой своей не расстанусь.

Вы, родители милые, дочь родную простите.

Коль мне блага желаете, с миром меня отпустите.

Нет, уж лучше заставить вас поплакать недолго,

чем забыть свою цель и не слышать веления долга!

Час прощания близок. Я с жизнью сливаюсь иною.

Мои сестры и брат вам радостью будут земною,

и они вас утешат, одних вас в беде не оставят.

Но ни жалость, ни слезы меня отступить не

заставят!

Ни за что не сверну я с указанной богом дороги,

господина лишив единственной в мире подмоги...

И, его воскресив, сама обрету я спасенье,

хоть и тягостно сердцу постигшее вас потрясенье.

Но стенать над моим не придется вам гробом

или видеть меня умирающей, мучимой смертным

ознобом.

И себя не терзайте вопросом: где мы дочь свою

похороним?

Там, где смерть я приму, вход закрыт навсегда
посторонним.

В Салерно это случится,
где нам суждено разлучиться,
чтоб, уйдя от дьявола, от духа злого,
встретиться снова...
Так смерть моя будет вам искупленьем,
а мне — избавленьем...»

И когда они увидали,
что, как бы они ни рыдали,
дочь им не переубедить —
зря только раны беречь,
и все, что с нею происходит,
от бога на нее нисходит,
и, очевидно, неспроста
ребенку, девочке, в уста
божественная сила
такую речь вложила, —
они смекнули, наконец,
что здесь не прихоть!.. Здесь творец
гласит ее устами...
(Иль мы не помним с вами,
сию историю излагая,
возмужанье святого Николая,
который младенцем еще, в колыбели,
чего ни с кем не бывало доселе,
воспринял святое ученье Христово,
чудесно постигнув господне слово?)

И в душе они оба решили,
что пред господом бы согрешили,
если б дочь отговаривать смели
от указанной господом цели.
Но едва они так решили, как разом
горе им затуманило разум:
нет, не выдержать этого расставанья,
несмотря на любые обоснованья!..
Им худо, им страшно было,
от ужаса их знобило.
И, сидя на постели,
они окаменели.
Что делать? Куда податься?
На уговоры поддаться?
Но если на это решиться —
значит, ее лишиться?..

Сидели они, гадали:
как же быть с нею дале?..
И мать сказала: «Все равно!
Все небесами решено.
И провиденью безразлично,
что наше горе безгранично.
Так приготовимся теперь
к страшной, к худшей из потерь.
Перечить дочери не станем,
хоть сердце в кровь себе израним.
Как умрет она — сами умрем
в одночасье!..»
И они ей дали свое согласие.

Чистойшая дева, узнав об этом,
той же ночью, перед рассветом,
несчастному графу стучит в окно.
«Вы спите?» — «Нет, не сплю давно.
Но объясни сначала,
ты что так рано встала?»
«Ах, как же я уснуть могу,
коль перед вами я в долгу.
И так я вас жалею,
что и сама болею!»

Он прошептал, едва дыша:
«Спасибо, чистая душа!
Да будет воздаянье
тебе за состраданье.
А я погибнуть обречен
и бесконечно удручен
не собственной судьбою:
разлукою с тобою!..
О, если б понимала ты,
венец добра и чистоты,
какая в сердце рана!..»

«Отчаиваться рано, —
сказала девушка в ответ. —
На то причин особых нет.
Спасение возможно, —
я говорю не ложно, —

коль все зависит от меня!..
Я не хочу терять и дня
и, к вашему же благу,
под нож в Салерно лягу!
И к вам вернется жизнь тогда.
Все остальное — не беда.
Ведь вы, избавясь от болезней,
намного лучше и полезней
способны жизнь прожить, чем я...»
Граф, восхищенья не тая,
с глазами, влажными от слез,
благоговейно произнес:
«Моя возлюбленная жена!
Жизнь нам обоим равно нужна,
а смерть—не такая уж сладкая штука,
но еще ужасней предсмертная мука.
Все не так просто, как ты полагаешь,
когда мне помощь свою предлагаешь.
Я твой порыв оценил вполне...
Немалое счастье выпало мне
с подобной встретиться чистотою,
с безгрешным сердцем, с верой святою
в великую силу любви и добра...
О, я бы со смертного встал одра,
когда бы это приказала
ты, кто святость свою доказала.
Чудо господь сотворил:
сердце твое отворил
чужому страданию, чужой печали...
Но кем бы люди меня считали,

если б я принял жертву твою?
Пред страшным выбором я стою!..
Супруга милая, прости,
но ты еще дитя почти,
и хоть мечты твои безгрешны,
решенья чересчур поспешны.
Все больше сердцем! Не умом!
А сколько горьких слез потом
и горьких разочарований
по исполнении желаний!..
Дитя мое, не я ли сам
взывал к бессмертным небесам,
моля о скором избавленьи?..
В твоем же волеизъявленье
есть прихоть детская, поверь!
Еще не раз себя проверь!
Все взвесь и рассуди толково!..
Но окончательное слово
не ты, мой друг, должна сказать,
а лишь твои отец и мать.
Мы только их исполним волю!
Неужто загубить позволю
жизнь благодетелей моих,
родную дочь отняв у них?!»
Так он сказал и усмехнулся,
решив, что он и впрямь рехнулся:
неужто все, что слышит он,
явь, а не глупый, дикий сон?!
Но мать и отец сказали:
«Вы столько нам в жизни дали

и столько сделали для нас!
Мы не решимся на отказ
и за добро добром оплатим,
хоть дочь любимую утратим!
Она, в надежде вас спасти,
на смерть отважилась пойти
и объявила нам об этом,
мы долго медлили с ответом...
Тому уж скоро третий день.
Мы сами превратились в тень.
Но дочь вам отдаем с любовью,
во благо вашему здоровью.
Того, как видно, хочет бог...»

И они затряслись с головы до ног,
и в отчаянье руки ломали все трое...
Но вернемся к рассказу о нашем герое.
Хоть чувство надежды в нем ожило,
графу было особенно тяжело.
Нестерпимо родного ребенка лишиться,
но, однако, еще тяжелее решиться
у родителей ребенка отнять...
Здесь мы бедного Генриха можем понять.
Он, как сказано в книге, рыдал и метался:
то он принял их жертву, то вновь отказался,
сожалея о том, что сам натворил...
Наконец, согласился и поблагодарил
всю семью (разумеется, нелицемерно)
и сказал, что пора собираться в Салерно.
Ну, а дочь? Та затеяла пышные сборы:

«Дорогих лошадей! Дорогие уборы!
Бархат! Шелк! Кружева! Горностаевый мех!
В этот день я хочу быть красивее всех!..»

И опять родители зарыдали,
как такую красавицу увидали.
«Ну за что, ну зачем нам ее отдавать?
Как мы смеем позволить дитя убивать?..»
Нет, я просто рассказывать дальше

не в силах

об ужасных страданиях людей этих милых.
Горе матери: вот оно, перед вами...
Скорбь отца... Передать ли ее словами?..
Но держались они одним убеждением:
это все предначертано провиденьем,
это бог избрал их любимую дочь
человеку страждущему помочь,
и, конечно же, высшая сила
бедной девочкой руководила,
и ее позвала, и ее повела
на святые, на божеские дела...
Ах, когда б они рассуждали иначе,
мы, пожалуй бы, не разрешили задачи:
отчего же не разорвались сердца
ни у страждущей матери, ни у отца.
Но печаль их сменила отрада
от сознания: так надо! так надо!

Граф и девушка скачут в Салерно.
Оба счастливы неимоверно,

хоть ее огорчает немного,
что так далека дорога.
Графа нужно быстрее спасти,
но мешает дальность пути.

В Салерно они прискакали,
врача того отыскали:
«Вот она, кем я буду спасен!..»
Врач узнал его. Врач потрясен.
А затем, состраданьем влекомый,
к бедной девушке незнакомой
он подходит и молвит: «О дочь моя,
расскажи, ничего не тая,
что здесь: чистой любви побужденье?
Иль угроза? Приказ? Понужденье?
Хочешь верность ему доказать
иль не можешь ему отказать,
повинуясь мольбам господина?..
Мне должна быть известна причина
решенья страшного сего».
«Веленье сердца моего», —
не замедлила дева с ответом.
От нее не скрылось при этом,
как врач на нее дивился.
Он в сторону с ней удалился
и свой вопрос повторил:
«Не твой ли граф подговорил
в преступном бессердечье
тебя на эти речи?!
Достаточно тебе чуть-чуть

себя, меня ли обмануть,
хотя бы и под страхом, —
как все пошло бы прахом:
мое искусство, подвиг твой;
ты не останешься живой
и сердце изничтожишь,
но графу не поможешь!
Как говорят: сто раз отмерь!
Все взвесь, себя спроси, проверь,
нет ли в душе сомненья
и не нашло ль затмения!..
И слушай, что произойдет,
как в силу договор войдет.
Воображаешь сцену?
Вот я тебя раздену,
и ты, раздевшись догола,
уже не встанешь со стола,
но, стыд преодолевая,
несчастливая, нагая,
начнешь кричать беззвучным ртом...
Сказать, что ждет тебя потом?
По правилам науки
тебе свяжу я руки,
и ноги я тебе свяжу,
и прямо в сердце нож всажу,
и, грудь пронзив и спину,
живое сердце выну!
Еще одно узнать изволь:
страшна не смерть. Ужасна боль!..
Что? Ты в ответ ни слова?!

Ты лечь на стол готова?!
А *дух* тебя не подведет,
когда дыхание сведет?
А при упадке духа —
полнейшая проруха!
О, эта боль! О, этот ад!
При этом нет пути назад.
О, сколь я сам несчастен,
что к *этому* причастен!
Нет, в жизни мне не повезло:
избрал я злое ремесло...
Ах, погоди хоть малость!..»
Но дева рассмеялась:
«Спасибо вам, великий врач!..
Мне тоже не везет, хоть плачь.
Сомнение тревожит,
и опасенье гложет.
Поди, и вправду откажусь,
не от того, что не гожусь:
не я оказалась слабой,
вы оказались бабой!
Да ведь у вас наверняка
от страха задрожит рука.
Вы — первый врач Салерно
и трусите безмерно!
Вы зайцу серому родня!
Но только жаль вам не меня,
не смерти моей ранней,
своих вам жаль терзаний!
А может быть, давно мертво

былое ваше мастерство
и силы в вас иссякли?
Ну! Я права! Не так ли?!
Я женщина — и я сильна,
и в действиях своих вольна,
и я на стол ваш лягу,
но вы — назад ни шагу!
А что наслушалась от вас
я всяких ужасов сейчас,
то это все не ново:
я к ним давно готова.
Поймите же, что никогда
я б не приехала сюда,
коль с самого начала
я главного не знала:
не струшу и не отступлю,
а господину жизнь куплю,
себе же — доступ в царство божье!
Так не тряситесь мелкой дрожью!
Час избавленья чуя,
сейчас плясать хочу я!
Граф исцелится наконец,
меня к себе призовет творец,
и не во сне, а наяву
я в царстве божьем заживу,
увенчана короной,
господом даренной...»

И понял мудрый врач тогда,
что она в решенье своем тверда,

что не может она поступить по-иному,
и ее повел он к графу больному.
«Счастливейший из людей земли,
о чем и мечтать нельзя, вы нашли!
Все сомненья отпали. И вскорости
от своей вы избавитесь хворости!..»
Он повел ее в комнатку тайную,
где всё мраком покрыто и тайною,
а графу за дверью велел остаться,
в тайную комнату не врываться,
сколько б это ни длилось часов,
и запер дверь на тяжелый засов.
Там, где стояли различные склянки,
он велел раздеться юной крестьянке,
и она, повинувшись приказу,
охотно и сразу
платье сняла, обнаженной осталась,
но не стеснялась...
И врач увидал: на диво
это юное тело красиво.
И так жаль врачу ее стало,—
прямо сердце стучать перестало
и рассудок чуть не отказал...
И он сам ей об этом сказал.
Но она его умоляла,
вновь и вновь повторяла,
чтоб он продолжал свое дело
и скорее разрезал ей тело.
Вот и стол она видит высокий,
где обряд свершится жестокий.

Лекарь девушку за руку взял,
взобратся на стол приказал.
Она легла без тени тревоги.
Он связал ей руки и ноги,
а потом стал подыскивать нож:
который из них хорош?
(Их здесь много, широких и длинных,
для дел отнюдь не невинных.)
Пусть вявшая голосу долга
хотя бы страдает недолго
и легко и быстро умрет...
Лекарь камень точильный берет,
и точит свой нож, и точит,
к делу все приступить не хочет!
А бедный Генрих, за дверью стоя,
чувство испытывает не простое.
Он удручен, озадачен,
великим смятеньем охвачен.
Ах, ужель не увидит он снова
черты лица дорогого?
А если он их увидит,
то здоровым отсюда не выйдет.
Но ему исцеленье обещано?..
Вдруг в стене замечает он трещину
и, прильнувши к ней, видит сквозь щель
этот стол, что похож на постель,
а вернее, на смертное ложе,
на котором — господи боже,—
связанная, нагая,
лежит его дорогая.

«О, как же ты глуп! — сказал он себе.—
Ты ждешь перемен в своей скорбной судьбе
и требуешь избавленья
без божьего соизволенья!
Ты небом страдать осужден навек,
а хочешь, чтоб спас тебя человек?
Глумясь над господним словом,
надеешься быть здоровым?!
На *что* ты девушку подговорил?
Да сам ли ведал ты, что творил?
Смерть ее будет лишней,
ибо все решает всевышний!
Исцелит — ликуй, не простит — страдай.
Только девушке умереть не дай,
кровью чистой своей твой позор оплатить!...»
И, не выдержав, начал он в дверь колотить.
«Отворите скорее, я вам говорю!»
«Господин, как закончу, так и отворю:
ни мгновенья нельзя в этом деле терять!»
«Отворите же! Сколько вам раз повторять!
Надо кое-что нам обсудить непременно!»
«Говорите... Мне слышно вас и сквозь стену».
«Нет! Сквозь стену я не хочу говорить!»
Что поделать? Пришлось ему отворить.
И Генрих в комнату вошел,
увидел тот высокий стол,
где связанная дева,
нагая, словно Ева,
исхода сладкого ждала...
Тут он, схватясь за край стола,

вскричал: «Дитя невинное!
Не буду я причиною
ужасной гибели твоей!
Врач, развязать ее! Скорей!
Да будет освобождена
та, что для жизни рождена
и столь собой прекрасна.
За что ей гибнуть понапрасну!
Спасибо за твое добро.
А золото и серебро,
согласно уговора,
ты, врач, получишь скоро!»
(И мы заметим мимоходом:
врач счастлив был таким исходом.)
Но когда спасенная поняла,
что судьба ее жертву не приняла,
то, свой стыд позабыв девичий,
против всяких правил приличий
принялась она истошно рыдать,
на себе в исступлении волосы рвать,
так что все, что это видали,
сами также рыдали.
И металась она, и кричала она:
«Боже мой! Я отныне всего лишена!
Развеялся сон мой чудесный!
Не владеть мне короной небесной!
Если бы мне удалось пострадать,
то и впрямь корону небесную дать
должны были б мне за страданья.
Ах, напрасны, напрасны старанья!

О ты, кто благ на небеси,
меня, несчастную, спаси
и господина со мною вместе.
Какой великой лишились мы чести:
он — плоть спасти, я — дух спасти
и, не ропща, свой крест нести!..»
Так она голосила,
о смерти просила,
охвачена безграничной тоской,
к доброте взывая людской.
Но в столь необычном и страшном деле
ей люди, конечно, помочь не хотели.
Нет, никто ей, никто не помог.
И молчали и люди и бог...
И тогда господину пеняť она стала:
«Сколько я всего из-за вас испытала!
Как глумились вы надо мной!
А всему ваша слабость виной.
Это вы меня к жизни вернули!
Да и люди меня обманули:
«Рыцарь! Мужествен! Неустрашим!..»
Ах, зачем я поверила им
и разгневала господа бога?
Мне совсем оставалось немного
до конца, но в решающий миг
вы отчаянный подняли крик.
Вы за горе мое в ответе.
Вы трусливее всех на свете.
Я ведь на смерть пошла. А вы?
Потерпеть не решились, увы!

Что ж вас так напугало, узнать
нельзя ли?

Может, то, что меня связали?
Но ведь, стоя за толстой стеной,
как вы видеть могли, что со мной?
Может, вы, бесстрашнейший витязь,
просто смерти чужой боитесь,
потому и вбежали к врачу?
Ну, так я вас заверить хочу,
что, если меня не будет,
вас никто не осудит,
не обвинит в преступленье.
А, напротив, вас ждет исцеленье».

Все тщетно — деве быть живой!..
А Генрих тяжкий жребий свой
как рыцарь набожный приял,
он твердости не потерял
и чистоты душевной,
назло судьбе плачевной...

Не выполнив обета,
вновь девушка одета
и снова жить обречена.
Врачу заплачено сполна.
И Генрих с грустью необъятной
тотчас пустился в путь обратный,
при этом был вполне готов
услышать гогот наглых ртов,
и вопль, и рев толпы презренной
на родине благословенной.

Что ж! Пусть толпа гогочет!
Все — как господь захочет!..

А дева так измождена была,
так много слез горючих пролила,
что силы ей внезапно изменили:
и впрямь она близка к могиле.
И тогда помог ей в беде
тот, кто с нами всегда и везде,
кто людские сердца отворяет,
радостью их одаряет,
кто диво дивное свершил
и этих двоих испытать решил,
как Иова когда-то:
тверда ли их вера иль слабовата?..
И то был Иисус Христос,
кто избавление им принес
за то, что душа в них жила человечья,
за их милосердье и добросердечье...
Чем ближе к отческому дому,
тем легче делалось больному.
Проказа с Генриха сползла —
господня милость его спасла.
Господь своей любовью
вернул ему здоровье.
И Генрих снова жизни рад,
как двадцать лет тому назад.
Слух о чудесном исцеленье
шел из селения в селенье,
народ о чуде узнавал

и непритворно ликовал:
ведь милосердье и пощада
и есть небесная услада...

Меж тем высокородные князья —
всё Генриха ближайшие друзья
(которые в беде с ним не встречались) —
ему навстречу мчались.

Не веря слухам и словам,
любой хотел увидеть сам,
что исцеляет наш господь
не только дух, но также плоть
от хвори беспощадной.

И вот — пример наглядный!
А хуторянину с женой
казалось: сгинул сон дурной,
свершилось чудо божье!
(Скажу: была бы ложью
попытка разуверить вас,
что оба не пустились в пляс
при первом извещенье
о дивном возвращенье
их дочери родимой,
живой и невредимой,
и графа дорогого,
здорового, живого.)

Нет, не могли отец и мать
ни слез, ни смеха удержать,
в них все перемешалось,
что в сердце умещалось.

Как будто сняли их с креста!..
И хоть смеялись их уста,
из глаз текли на щеки
горячих слез потоки.
Вновь слезы хлынули из глаз,
когда не три, а тридцать раз
они поцеловали
ту, что уже не ждали
(и в этом я поверю
старинному поверью).
Явился в каждый швабский дом
желанный праздник. Все кругом
шумело, веселилось,
веселие вселилось
в сердца воспрянувших людей.
Свидетели тех давних дней
в преданьях рассказали,
что в Швабии едва ли
встречали так кого-нибудь,
цветами устилая путь...

Но вы узнать хотите
дальнейший ход событий?
Что́ Генрих? Как его дела?
Недурно, господу хвала!
Он вновь здоров, и вновь силен,
и вновь почетом окружен,
он стал еще богаче...
Но жить он стал иначе:
достоиней, чище, строже,

в согласие с волей божьей.
А хуторянину тому,
который дал приют ему,
он отписал именье
в вечное владенье.
Не позабыл он и о ней,
кто всех была ему верней,
о дорогой *супруге*:
он с ней делил досуги,
и баловал, и обожал,
в шелка и в бархат наряжал,
как если бы и впрямь она
была *законная* жена,
а он ей — муж законный.
(Что ж: домысел резонный!..)
Но вот мудрейшие страны
сказали графу: «Вы должны
в конце концов решиться
на ком-нибудь жениться.
Быть холостым вам не к лицу.
Так поведите же к венцу
достойную подругу,
грядущую супругу!..»
Созвав друзей в огромный зал,
граф Генрих попросту сказал:
«Я высшей воле подчинюсь
и в скором времени женюсь.
Но вот на ком? Решайте сами!
Решение теперь за вами!»
И все, что были в зале том,

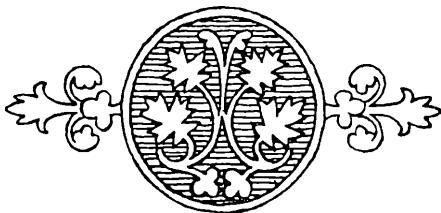
сошлись немедля на одном:
пришла пора для брака!
Кого вести к венцу, однако?!
Сей затруднительный вопрос
в большую ссору перерос:
кто прочит ту, кто — эту...
Да, нелегко совету!
В подобных случаях всегда
мы каждый тянем кто — куда,
и собственное мненье
важней, чем единенье.
Когда же Генрих увидал,
что он решенья зря прождал
и дальше ждать напрасно,
он молвил громогласно:
«Друзья мои, в сей светлый час,
должно быть, многие из вас
еще хранят воспоминанье
о том, как я страдал в изгнанье.
Болезнью тяжкой удручен,
я был от мира отлучен,
люди меня избегали,
детей своих мною пугали.
Так чем же мне ответить той,
чьей ангельскою добротой
и бескорыстнейшей любовью
мне вновь возвращено здоровье?»
На сей раз общим было мненье:
«С ней, кто принес тебе спасенье,
жизнь и богатство раздели —

и свадьбу праздновать вели!
Но *кто* счастливейшая эта?..»

И вот перед лицом совета,
свою красавицу обняв,
ответствовал спасенный граф
весьма прекрасными словами:
«Смотрите, вот она — пред вами,
кто от погибсли и зла
меня, несчастного, спасла.
И я вам повторяю:
ее я выбираю!
Но, впрочем, ей решать самой:
быть ей со мной иль не со мной?
Но в случае отказа
клянусь: умру я сразу!..»
И богат, и беден, и стар, и мал
воскричали: «Истинно он сказал!..»
Священники их обвенчали.
И до старости, без печали,
в согласье свои они прожили дни,
и в небесное царство вступили они...
Пусть и нам дарует господь эту участь:
мирно жить, умирать не мучась.
О господь, пощади нас и не покинь,
ниспошли нам свое милосердие. Аминь!..

Королевские дети

Немецкая
народная
и школярская
поэзия

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

Я знал двух детей королевских —
Печаль их была велика:
Они полюбили друг друга,
Но их разлучала река.

Вот бросился вплавь королевич
В глухую полночную тьму,
И свечку зажгла королевна,
Чтоб виден был берег ему.

Но злая старуха черница
Хотела разбить их сердца,
И свечку она загасила,
И ночь поглотила пловца.

Настало воскресное утро —
Кругом веселился народ.
И только одна королева
Стояла в слезах у ворот.

«О матушка, сердце изныло,
Болит голова, как в чаду.
Ах, я бы на речку сходила —
Не бойтесь, я скоро приду».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми-ка с собою сестрицу,
Не то приключится беда».

«Сестренка останется дома,—
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой поляне
Все розы она оборвет».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми с собой младшего брата,
Не то приключится беда».

«Пусть братец останется дома,—
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой опушке
Он ласточек всех перебьет».

Ушла во дворец королева,
А девушка в страшной тоске,
Роняя горячие слезы,
Направилась прямо к реке.

Вдоль берега долго бродила,
Печалась — не высказать как.
И вдруг возле хижины ветхой
Ей встретился старый рыбак.

Свое золотое колечко
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Свою золотую корону
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Раскинул рыбак свои сети —
И вот на прибрежный песок
Уже бездыханное тело
С немалым трудом приволок.

И девушка мертвого друга,
Рыдая, целует в лицо:
«Ах, высохли б эти слезинки,
Когда б ты сказал хоть словцо».

Она его в плащ завернула.
«Невесту свою приголубь!»
И молча с крутого обрыва
В холодную бросилась глубь...

...Как колокол стонет соборный!
Печальный разносится звон.
Плывут похоронные песни,
Звучит погребальный канон...

КРЕСТЬЯНИН И РЫЦАРЬ

На некий постоялый двор
Заброшены судьбою,
Мужик и рыцарь жаркий спор
Вели между собою.
Нет любопытней ничего
Иной словесной схватки.
А ну, посмотрим, кто кого
Положит на лопатки.

«Я родом княжеским горжусь,
Я землями владею!»
«А я горжусь, что я тружусь
И хлеб насущный сею.
Когда б не сеял я зерно,
Не рыл бы огород,

Подох бы с голоду давно
Твой именитый род!»

«Мой гордый нрав и честь мою
Повсюду славят в мире.
Под лютню песни я пою,
Фехтую на турнире!
Каких мне дам пришлось любить
И как я был любим!
А ты, крестьянин, должен быть
Навек рабом моим».

«Заслуга, брат, невелика
Всю ночь бренчать на лютне.
Сравнится ль гордость мужика
С ничтожной честью трутня?
Не танцы и не стук рапир —
Поклясться я готов, —
А труд крестьянский держит мир
Надежней трех китов».

«Но если грянет час войны,
Начнется бой суровый,
Кто из немецкой стороны
Пойдет в поход крестовый?
В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И, сарацинам на беду,
Я действую мечом!»

«Махать мечом — нелегкий труд,
И нет об этом спора.
Но в дни войны с кого берут
Бессчетные поборы?
Кто должен чертовы войска
Кормить да одевать?
Нет, даже тут без мужика
Не обойтись, видать!»

**ПЛЫВЕТ
С БЕСЦЕННЫМ ГРУЗОМ**

Плывет с бесценным грузом
кораблик по волнам,
несет господня сына
господне слово к нам.

Плывет кораблик малый
по тихой глади вод.
Небесная царица
на корабле плывет.

Плывет корабль, груженный
до самых до верхов.
Мария пресвятая,
избавь нас от грехов!

Плывет кораблик дивный,
кораблик непрстой,
где милосердье — парус,
а мачта — дух святой.

**ИСПОВЕДЬ
АРХИПИИТА БЕЛЬНСКОГО**

С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,
покаяние свое
огласить намерен.
Был я молод, был я глуп,
был я легковерен,
в наслаждениях мирских
часто неумерен.

Человску пужен дом,
словно камень, прочный,
а меня судьба несла,
что ручей проточный,
влек меня бродяжий дух,

вольный дух порочный,
гнал, как гонит ураган
листик одиночный.

Как без кормчего ладья
в море ошалелом,
я мотался день-деньской
по земным пределам.
Что б сидеть мне взаперти?
Что б заняться делом?
Нет! К трактирщикам бегу
или к виноделам.

Я унылую тоску
ненавидел сроду,
но зато предпочитал
радость и свободу
и Венере был готов
жизнь отдать в угоду,
потому что для меня
девки — слаще меду!

Не хотел я с юных дней
маяться в заботе —
для спасения души,
позабыв о плоти.
Закружившись во хмелю,
как в водовороте,
я вещал, что в небесах
благ не обретете!

О, как злились на меня
жирные прелаты,
те, что постникам сулят
райские палаты.
Только в чем, скажите, в чем
люди виноваты,
если пламенем любви
их сердца объаты?!

Разве можно в кандалы
заковать природу?
Разве можно превратить
юношу в колоду?
Разве кутаются в плащ
в теплую погоду?
Разве может пить школяр
не вино, а воду?!

Ах, когда б я в Кёльне был
не архипиитом,
а Тезеевым сынком —
скромным Ипполитом,
все равно бы я примкнул
к здешним волокитам,
отличаясь от других
волчьим аппетитом.

За отчаянной игрой
прележу я ночки
и встаю из-за стола,

скажем, без сорочки.
Все продуту до гроша!
Пусто в кошелечке.
Но в душе моей звенят
золотые строчки.

Эти песни мне всего
на земле дороже:
то бросает в жар от них,
то — озноб по коже.
Пусть в харчевне я помру,
но на смертном ложе
над поэтом-школяром
смилуйся, о боже!

Существуют на земле
всякие поэты:
те залезли, что кроты,
в норы-кабинеты.
Как убийственно скучны
их стихи-обеты,
их молитвы, что огнем
чувства не согреты.

Этим книжникам претят
ярость поединка,
гомон уличной толпы,
гул и гогот рынка,
жизнь для этих мудрецов —
узкая тропинка,

и таится в их стихах
пресная начинка.

Не содержат их стихи
драгоценной соли:
нет в них света и тепла,
радости и боли...
Сидя в кресле, на заду
натирать мозоли?!
О, избавь меня, господь,
от подобной роли!

Для меня стихи — вино.
Пью единым духом!
Я бездарен, как чурбан,
если в глотке сухо.
Не могу я сочинять
на пустое брюхо.
Но Овидием себе
я кажусь под мухой.

Эх, друзья мои, друзья!
Ведь под этим небом
жив на свете человек
не единым хлебом.
Значит, выпьем вопреки
лицемерным требам,
в дружбе с песней и вином,
с Бахусом и Фебом...

Надо исповедь сию
завершить, пожалуй.
Милосердие свое
мне, господь, пожалуй.
Всемогущий, не отринь
просьбы запоздалой!
Снисходительность яви,
добротой побалуй.

Отпусти грехи, отец,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить —
дай ему отсрочку.
Но прерви его стихов
длинную цепочку,
ведь иначе он никак
не поставит точку.

КАБАЦКОЕ ЖИТЬЕ

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире —
скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
расскажу без дураков.

Собрались в трактире гости.
Этот пьет, тот — жарит в кости.
Этот — глянь — продулся в пух,
у того — кошель разбух.
Всё зависит от удачи!
Как же может быть иначе?!

Потому что нет средь нас
лихоимцев и пролаз.

Ах, ни капельки, поверьте,
нам не выпить после смерти,
и звучит наш первый тост:
«Эй! Хватай-ка жизнь за хвост!..»
Тост второй: «На этом свете
все народы — божьи дети.
Кто живет, тот должен жить,
крепко с братьями дружить!»

Бахус учит неизменно:
«Пьяным — море по колено!»
И звучит в кабацком хоре
третий тост: «За тех, кто в море!»
Раздается тост четвертый:
«Постных трезвенников — к черту!»
Раздается пятый клич:
«Честных пьяниц возвеличь!»

Клич шестой: «За тех, кто зелье
предпочел сиденью в келье
и сбежал от упырей
из святых монастырей!»
«Слава добрым пивоварам,
раздающим пиво даром!» —
всею дружною семьей
мы горланим тост седьмой...

Пьет народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы,
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи.

Пьют бродяги, пьют вельможи,
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
села пьют и города.
Пьет безусый, пьет усатый,
лысый пьет и волосатый,
пьет студент и пьет декан,
карлик пьет и великан!

Пьет монахиня и шлюха,
пьет столетняя старуха,
пьет столетний старый дед —
словом, пьет весь белый свет!
Всё пропьем мы без остатка.
Горек хмель, а пьется сладко.
Сладко горькое питье!
Горько постное житье...

ВЕЙНСБЕРГСКИЕ ЖЕНЫ

Мы затынем с вами чинно
Эту песнь седых времен.
Есть серьезная причина
Нам воспеть отвагу жен,
Верность женскую прославить
В подобающих стихах,
Как бы памятник поставить
В человеческих сердцах.

Сей рассказ из давней были
К нам пришел через века:
Крепость Вейнсберг окружили
Наступавшие войска.
Кайзер Конрад разъяренный
Гнал на штурм бойцов своих,

Но железной обороной
Старый герцог встретил их.

День и ночь идет осада,
День и ночь гремит война.
Прочь отброшена пощада,
Вельфам гибель суждена.
Среди грохота и воя,
Средь бушующих огней
Милосердие простое
Груды золота ценней.

Крепость мечется в тревоге
От негаданной беды:
Перерезаны дороги,
Нет ни хлеба, ни воды.
Даже старые рубаки
Приуныли в эту ночь:
«Все подохнем, как собаки.
Может бог один помочь».

Но когда душа мужчины
В подлый страх погружена,
Из печали, из кручины
Мужа выручит жена.
Так и здесь... Твердя молитвы,
Через вражеский редут
Толпы жен на поле битвы
Прямо к Конраду идут.

«Кайзер, внимли нашим стонам,
Дай от смерти жизнь спасти,
Разреши несчастным женам
Прочь из крепости уйти!»
И ответил победитель,
Тронут этою мольбой:
«Уходите и берите
Все, что можете, с собой!»

И взгляните — что за диво!
Свет любви тая в очах,
Жены вышли торопливо
С тяжкой ношей на плечах.
Но не серебро, не золото,
Не дары своей земли —
Мужа, сына или брата
На плечах они несли.

Конрад, полон удивленья,
Молвит: «Вот чего не ждал!»
И в припадке умиленья,
Как младенец, зарыдал.
И противнику в награду
За любовь и верность жен
Повелел он снять осаду.
Так был город пощажен...

О великие герои,
О бесстрашные бойцы,
Люди Спарты, люди Трои,

Громких подвигов творцы!
Вашей силе и отваге
Неспроста дивится свет.
Но в какой, скажите, саге
Подвиг женщины воспет?

Разве гимнов не достойна
Та, что, долю не кляня,
Мужа вынесет спокойно
Из смертельного огня?
Слова лишнего не скажет,
Все поймет и все простит,
Другу рану перевяжет,
Лоб горячий остудит.

Как божественное чудо,
Щедрой данное судьбой,
На земле везде и всюду
Навсегда она с тобой!
Пусть же славятся отныне
До скончания времен
В гимне, в песне и в былине
Честь, любовь и верность жен!

БЫЛА Б ТЫ НЕМНОГО БОГАЧЕ...

Однажды я на берег вышла,
По тропке спустилась к реке.
Вдруг вижу: челнок подплывает,
Три графа сидят в челноке.

Вот граф, молодой и прекрасный,
В бокал наливает вина:
«Красавица, светик мой ясный,
Ты выпить со мною должна».

Глядит на меня чуть не плача
И шепчет, склонясь надо мной:
«Была б ты немного богаче,
Моей бы ты стала женой».

«Не смейтесь над девушкой честной.
Зачем мне ваш графский дворец?
Бедняк из деревни окрестной
Меня поведет под венец».

«А коль жениха не дождешься
Ни в том и ни в этом году?»
«Тогда я монахиней стану,
Тогда я в обитель уйду».

С тех пор миновало полгода,
Зима наступила, и вот
Приснилось ему, что голубка
Монахиней в келье живет.

Стрелой к монастырским воротам
Летит он на быстром коне...
Открылось окошечко: «Кто там?»
«Любовь моя, выйди ко мне!»

И девушка в белом наряде
Выходит к нему на порог.
Отрезаны длинные пряди,
И взгляд ее грустен и строг.

Он ей не промолвил ни слова,
Он ей не сказал ничего.
Но сердце от горя такого
Разбилось в груди у него.

МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ

Когда родился я на свет,
Меня качали в зыбке.
Прошло не так уж много лет —
Я стал играть на скрипке.

В родной стране, в чужом краю
Играл я задумчиво.
Влюбилась в музыку мою
Однажды королева.

«Зайди скорее во дворец,
Сыграй мне два куплета!»
«Да разве можно?! Ваш отец
Казнит меня за это!»

«Зайди скорее во дворец,
Оставь свою заботу:
Сегодня ночью моей отец
Умчался на охоту».

И вдруг — король влетел во двор!
Как выдернет он шпагу!
Как закричит: «Разбойник! Вор!
Схватить! Казнить бродягу!»

Вот день прошел, прошло два дня.
Ох, и хлебнул я страху!
На третий день ведут меня
Три стражника на плаху.

Король на зрелище созвал
Соседей и соседок.
«Дозвольте, братцы, — я сказал, —
Сыграть вам напоследок».

Король, слегка умерив гнев,
Кивнул своей короной.
И заиграл я тут напев
Протяжный, похоронный.

Какой тогда поднялся плач!
Толпу трясло от плача.
«Ну вот что, маленький скрипач, —
Король воскликнул, плача, —

Бери-ка в жены дочь мою!
Играешь ты на славу.
Тебе свой замо́к отдаю
И всю мою державу!»

ХОЗЯИН И ПОДМАСТЕРЬЕ

Зима стучится в двери,
Метели замели.
«Эй, слышишь, подмастерье?
Дровишек наколи!

Да шевелись живее,
Стащи-ка их в подвал,
Пока клюкой по шее
Тебе не надавал!..»

...Весна стучится в двери,
В саду ручей течет.
Приходит подмастерье
И требует расчет:

«А ну, плати, хозяин —
Я странствовать иду.
Ты вместо хлеба, каин,
Давал нам лебеду!»

«Ах, что ты? Ах, куда ты?
Останься до зимы.
Желаешь — два дуката
Я дам тебе взаймы.

Найдется белый пряник,
Коль черен хлеб ржаной.
Не хочешь спать в чулане —
Так спи с моей женой».

«Спать с этой старой бочкой?!
Рехнулся ты небось —
Когда с твоею дочкой
Недурно мне спалось!»

Извлечение дураков

Тане Сакс

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Врач.
Слуга.
Больной.

Врач

(входит вместе со слугой)

Ну, добрый вечер, господа!
Я кем-то вызван был сюда.
Будь это старец иль девица —
Больному врач всегда сгодится.
Эй вы, больные! Где вы тут?
Лечу любую из простуд,
Подагру, кашель, камни в почке,
Похмелье после пьяной ночки,

Зубную боль, дурную кровь
И безнадежную любовь.
Могу спасти без разговоров
Вас от поносов и запоров,
Промыть кишки, спустить мочу.
Все это ловко я лечу
За плату не бог весть какую.
А что я в деле маракую —
Вот грамота, а вот печать.
(Показывает грамоту и печать.)

С л у г а

(глядит во все стороны)

Ошиблись местом мы, видать.
Да разве мы к больным попали?
Им доктор надобен едва ли.
Да тут одни здоровяки —
Румяны, веселы, крепки.
Вишь, скалят зубы: ха-ха-ха!
Недолго, барин, до греха.
Ей-ей, уйдемте лучше сами.

В р а ч

(раскланивается)

Да будет божья милость с вами!
Коль мы не в тот попали дом,
Откланяемся и уйдем.
Мир всей компании честной!

Между тем на костылях приближается б о л ь н о й
с огромным брюхом.

С л у г а

Глядите, вон идет больной!

Б о л ь н о й

Любезный доктор, вы ли это,
О ком шумит молва по свету
Как о мудрейшем из врачей,
Искусство чье и разум чей
Мгновенно, всем на удивленье,
Приносят хворым исцеленье?
Коль так, явите милость. Вот —
Раздулся у меня живот,
Как у последней потаскухи.
Нытье и шевеленье в брюхе.
Не сплю до самого утра.
Чем хворь мне выгнать из нутра?
Скажите, доктор, в чем тут дело?
Водянка, что ли, одолела
Или какой там зреет плод?

В р а ч

Сперва проверим твой испод.
Принес ли ты с собой мочу?

Б о л ь н о й

А как же? Я ведь шел к врачу.
(Дает ему склянку.)

В р а ч

(рассматривает)

Да, брат, моча дурного цвета.
От живота исходит это.

Б о л ь н о й
Вот! Вот! Всю жизнь кишками маюсь.

В р а ч
Тебе помочь я постараюсь.
Но ты во что бы то ни стало
Напиток примешь для начала.
Я сам тебе его сварю.

Б о л ь н о й
От всей души благодарю,
Но я лекарств пивал немало,—
Едва живот не разорвало.
Полдня не мог ни встать, ни лечь.

В р а ч
Ты мне, голубчик, не перечь!
Видать, ты не в своем рассудке.
Скопилась дрянь в твоём желудке.
Ее должны мы выместь прочь,
Дабы беде твоей помочь.

Б о л ь н о й
Ох, тут пойдет такая вонь!..

С л у г а
Да что, тебя совсем не тронь?

Б о л ь н о й
Избави бог меня от пыток!..
Каков же будет сей напиток?

Быть может, пиво или мед,
А то от жажды сохнет рот.

В р а ч

Лечись, приятель, без опаски!
Сперва отведаешь колбаски,
Затем, позавтракав слегка,
Ты выпьешь кварту молока,
Разбавленную черным пивом,
Заешь все это черносливом,
И, наконец, воды испив...

Б о л ь н о й

Я съел уже две сотни слив,
Пил молоко, глотал сметану,
И — я таить от вас не стану —
Отведав снадобье, за час
До ветру бегал десять раз.
Брр!.. Вывернуло наизнанку...

В р а ч

А ну, слуга, подай-ка склянку.
Авось найдем причину бед...
Мне это снится или нет?!
Да ты — прощупай сам руками —
Набит по горло дураками.
Их целый полк в тебя залез.

С л у г а

Сейчас мы сделаем надрез.
Небось полпуда выйдет грязи.

Б о л ь н о й

Ни боже мой! Ни в коем разе!
Уж это, сударь, вы наврали!..
Как дураки ко мне попали?
Шабаш! Лечиться не хочу!

В р а ч

Я выпить дам тебе мочу —
Поймешь, какие это враки.
Ужо заползают, как раки,
В размякшем брюхе дураки.

Б о л ь н о й

(пьет)

Наверно, это червяки,
А что лягушки заурчали.
Вот уж какой не ждал печали!

В р а ч

(подает ему зеркало)

Врачу не веришь — так взгляни!
Держи-ка зеркало.

Б о л ь н о й

(смотрит в зеркало, хватается за уши)

Они!

Сам вижу, сколь недуг опасен.
Кладите! Режьте! Я согласен!

С л у г а

Постой, браток, не егози!
Сперва себя вообрази
Покойником в могильной яме:
Лежи — и не сучи ногами.
Не шутка вспарывать живот.

Б о л ь н о й

Ах, он меня вконец добьет!
Стать мертвецом?! Какая гадость
Лежать в гробу жене на радость!..

С л у г а

Ну, брат, давай. Чего ты ждешь?
Эх, с дураками пропадешь!

Б о л ь н о й

Бог с ним! Валяйте! Так и быть!
Желудок снова начал ныть.
Давно бы мне его настроить.
Но сколько это будет стоить?

В р а ч

Бесплатно сделаю надрез.
Дороже денег — интерес.
Что взять с несчастного такого?
Слуга! Все у тебя готово?

С л у г а

(подает инструменты)

Хозяин, я давно готов.
Вот нож для вспорки животов,

Вот губка, ножницы и клещи.
Сюда кладу я эти вещи.
А вот — ему бодрящий сок.

Б о л ь н о й

Дозвольте выпить хоть глоток,—
Желудок малость успокою.

В р а ч

Как только я махну рукою,
За шею ты его хватай
И полотенцем обмотай.
Начнет хрипеть — водою спрысни.

С л у г а

(обматывает шею больного полотенцем)

А ну-ка, парень, зубы стисни.
Терпи, не то испустишь дух.
Авось излечат твой недуг
И станешь молодым да свежим.

В р а ч

Поддай-ка нож. Сейчас надрежем.
(Режет.)

Б о л ь н о й

(кричит)

Злодеи! Стойте! Жжет огнем!

С л у г а

Ты был предупрежден о том.
Небось не на блинах у тещи.

В р а ч

*(погружает в брюхо больного щипцы,
вытаскивает первого дурака)*

Дивись моей врачебной мощи!
На, погляди: неплох улов!
Ну до чего ж большеголов!

Б о л ь н о й
(хватается за живот)

Ох, доктор, вроде полегчало.

В р а ч

Какая мразь в тебе торчала!
Ты, дурака в нутро впустив,
Стал своенравен и спесив.
Теперь понятно, почему ты
Всегда ходил такой надутый,
Бахвал, хвастун, соседям враг.
Тому причиной — сей дурак.
С подобным чудищем в утробе
Давно б ты мог лежать во гробе,
Созрел для этого вполне.
Смекаешь, брат?..

С л у г а

Сдается мне,
Что у него застряли в брюхе
Еще дружки в таком же духе,
Вы поглядите, господин.

В р а ч

(заглядывает больному в брюхо)

Ну, так и есть! Еще один!
С башкою четырехугольной!

Б о л ь н о й

Ой, помираю! Страсть как больно!

С л у г а

Молчи-ка, олух! Не скули!
Глянь, что за дурня извлекли.
Знать, долго в брюхе находился.

Б о л ь н о й

Я словно заново родился.
Уф, хорошо!.. Но кто таков
Второй из этих дураков?

В р а ч

(показывает ему щипцы)

Кто он таков? Узнай, бедняга.
Сей дурень — самый главный скряга.
Как он залез к тебе в нутро,
Ты начал скапливать добро,
Сквалыгой стал и крохобором,
Сарай закрыл двойным запором.
Коль это для тебя не стыд —
Пускай дурак в тебе сидит.

Б о л ь н о й
(хватается за бока)

А это кто еще такой?
Вот здесь пощупайте рукой.
Десятый год мне брюхо точит
И вылезать никак не хочет.

С л у г а

Слыхали? Запищал, какмышь!

В р а ч

(залезает щипцами и вытаскивает дурака)

Нет, у меня не пошалишь!

Б о л ь н о й

О, поглядите, доктор милый!
Какой-то желтый он и хилый.
С чего он, бедный, высох так?

В р а ч

А он завистливый дурак.
Не зря ты вечно был не в духе,
Храня такую пакость в брюхе.
Допустим, счастлив твой сосед,—
Ты зол, тебе покоя нет.
Зато, когда сосед твой болен,
Ты веселишься, ты доволен.
Всему виною — тот подлец.
Ну как, смекаешь наконец,
Насколько был ты близок к смерти?

Б о л ь н о й

Я много лет терпел, поверьте.
Загрызла зависть...

С л у г а

А теперь

Еще разок живот проверь.
Добра какого не осталось?
Помни, не бойся!

Врач с силой дергает.

Б о л ь н о й
(мнет брюхо)

Пучит малость.

Ногами кто-то бьет в бока.
Хватайте, доктор, дурака!

(Кричит.)

Ох, отпустите! Ох, не надо!

В р а ч

(показывает ему дурака и говорит)

Гляди, какого вынул гада.
И до чего ж опасный плут!
Он похоть разжигал да блуд.
Тебя он сильно опорочил:
Ты девкам головы морочил,
Любовниц что ни день менял,
Своей супруге изменял.
Не вырви я его оттуда,
Тебе бы, парень, было худо.

Б о л ь н о й

Вы, доктор, из цыган небось:
Все так и видите насквозь...
Опять в кишках скребется что-то.

В р а ч
(орудует щипцами)

О, боже! Новая забота!
Ишь! Упирается да вьется.
Здесь силой действовать придется.
А ну, сдавайся, сатана!

Б о л ь н о й
(кричит)

Ох, до чего ж гудит спина!
Вы, видно, кончите не скоро.

В р а ч
(вытаскивает дурака)

А вот и он! Дурак-обжора!
Он у тебя в нутре сидел,
И ты не в меру пил и ел.
К тому ж, когда набито брюхо,
Мозг слабнет, сердце бьется глухо.
Обжорство в дом несет разор,
Великий, стало быть, позор.
Ну, видишь сам, помог тебе я,
Убрав столь вредного злодея.

Б о л ь н о й
Мне, право, с ним расстаться жаль.

С л у г а

Вот тоже выдумал печаль!
Поди-ка, все теперь в порядке?

Б о л ь н о й

Домой помчусь я без оглядки.
Зашейте брюхо поскорей!

С л у г а

(прислушивается)

Там кто-то хрюкает, ей-ей!
Вот ведь как, бесы, притаились:
Еще один дурак не вылез.
Придется снова надрезать.

В р а ч

(орудует щипцами)

Ну, этого трудненько взять!
Беру его под самый корень,
А он противится. Упорен!
Нажмем-ка вместе. Так. Давай!

Б о л ь н о й

Хребет сломали! Ай-ай-ай!
Ох, послабее, что ль, тяните!

В р а ч

Сам не пойдет — заставлю выйти!
Не узнаешь его, милоч?
Сей дуралей — причина склок.

Изрядно с ним хлебнул ты горя,
По пустякам с друзьями споря.
Бывало, сунешься в кабак, —
И тотчас — свара, кавардак.
Тут слово за слово, а дале,
Глядишь, тебе бока намяли.
Теперь ты понял, братец мой?

Б о л ь н о й

Пожалуй, я пойду домой.
Зашейте мне живее пузо!

С л у г а

Ну, как — избавился от груза?
Небось ничто не беспокоит?

Б о л ь н о й

Да как сказать... Немного ноет.
В боку дурак засел, кажись.

В р а ч

Засел в боку? Тогда держись!

(Орудует щипцами.)

Эге! Он тут накуролесил.

(Вытаскивает дурака.)

С л у г а

Чего он голову повесил?

Губами чмокает. Сопит.

В р а ч

Тсс... Не будите... Дурень спит.
Вот он — великий лежебока!
Засел в нутре весьма глубоко,
Да и храпел там ночь и день.
Отсюда — скука, одурь, лень,
Нытье, неряшество, безделье,
Лежанье попусту в постели.
Пошел бы по миру с сумой,
Когда б не встретился со мной.
Итак, последняя обуза
Отныне вынута из пуза!

Б о л ь н о й

(ощупывает себя)

Ушли враги из живота,
И все же в брюхе маета.
До дому как бы дотащиться?

В р а ч

(ощупывает больному брюхо)

Эге, занятная вещица!
Сдавило малому кишки
Гнездо, где жили дураки.
Они там копошатся роем.
А ну, еще раз чрево вскроем.

Б о л ь н о й

Ох, доктор, я совсем ослаб.
Глоток винца испить хотя б!

Озноб трясет, немеют руки.
Не перенести мне этой муки.
Шут с ним, не трогайте гнезда.

С л у г а

Ты, что ли, враг себе, балда?
Иль жить не можешь без начинки?
В тебе кишмя кишат личинки.
Глядишь, и года не пройдет —
Опять раздуется живот
И вновь начнутся злоключенья.

Б о л ь н о й

Что делать? Ради излеченья,
Дабы живот не вздуло впредь,
Придется, видно, потерпеть.

В р а ч

(орудует щипцами)

Эй, нажимай! Сильнее! Ну-ка!
Вот это, понимаю, штука.
Два пуда весом. Ну и ну!
Приподыми — сейчас взгляну.
Тут целый улей обнаружен —
По меньшей мере десять дюжин
В гнезде сидело малышей,
А ты кричишь: «Живот зашей!»
Гнездо мы вовремя достали.

Б о л ь н о й

А кем бы эти дурни стали,
Как только выползли б на свет?

С л у г а

Ого! Кого здесь только нет!
Любых сортов найдутся гады:
Ханжи, святоши, конокрады,
Буяны, ерники, лжецы,
И лихоимцы, и скупцы,
Закоренелые злодеи,
Алхимики и чудадеи,
По части пьянства мастера,
Мошенники и шулера,
Плуты, развратники и воры,
Ревнивцы, трусы, живодеры,
Сутяги, совестью нечисты,
Лжемудрецы и лжеюристы,
Все, кого Брандт Себастиан
Однажды в море-океан
На корабле своем отправил...

В р а ч

Ну, а теперь, согласно правил,
Свали в мешок всю эту мразь
И в Пегниц кинь, благословясь.
Пускай поплавают в воде.

Б о л ь н о й

Спасен! Конец моей беде!
Зашейте брюхо, если можно.

В р а ч
(*зашивает*)

Сейчас заштопаем надежно.
Что, братец, стало веселей?
Домой пойдешь без костылей!

Б о л ь н о й
(*встает*)

Здоров я, доктор! С плеч забота!
Мне прыгать и плясать охота.
Спасибо мудрому врачу!
Одно лишь я узнать хочу:
Как дураки в меня проникли?
С едой попали на язык ли
Иль, может быть, с каким питьем,
Чтобы в нутре засесть потом?
Избави бог от этой пищи!

В р а ч

Тут дело не в еде, дружище,
И не в питье. Не в этом суть!
Они другой находят путь,
Вернее есть у них дорога:
Упрямство наше — им подмога.
С чего ты стал так тяжело болен?
Все оттого, что был безволен,
Не мог держать себя в узде,
А это значит — быть беде.

Б о л ь н о й

Вы правы, доктор! Верно, верно!
Я прежде жил куда как скверно.
Поверьте, с нынешнего дня
Вы не узнаете меня.
Советов ваших не забуду
И день и ночь беречься буду,
Да жаль, что в нашей стороне
Полно больных, подобных мне.
Поди, не ведают доселе,
Что дураки в нутре засели.
Но я погибнуть им не дам:
Немедля их направлю к вам,
Дабы доход вы получили,
Коль даром вы меня лечили.
Хвала вам до конца времен!..
Бегу, познавьем умудрен.

(Уходит.)

С л у г а

(выкрикивает)

Эй, дорогие господа!
Прошу пожаловать сюда.
Мы быстро сладим с вашим горем —
Живот быстрехонько распорем
И молодых и стариков
Тотчас спасем от дураков!

В р а ч
(заключает)

Ну, господа, вам вывод ясен?
Любого я лечить согласен,
Поскольку в городе у нас
Так много страждущих сейчас.
Но погодите, не спешите —
Рецепт сначала запишите,
Чтоб вам и семьям вашим впредь
Болезнью этой не болеть:
Коль будет тверд и крепок разум,
Все дураки исчезнут разом.
Даю совет мужьям и женам —
Рассудка следовать законам
И, мир семейный возлюбя,
В порывах сдерживать себя.
Последний из моих заветов:
Разумных слушайте советов,—
И никакие дураки
Не заберутся к вам в кишки!
На этом, всем вам счастья проча,
Ганс Сакс желает доброй ночи!

Средь множества скорбей

Из поэзии
времен
тридцатилетней
войны

АНДРЕАС ГРИФИУС

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.

В руинах города, соборы опустели,
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.

О, скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет.
Забиты трупами отравленные реки.

Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО ЯЗЫКА

Венец творения, владыка из владык,
Ответствуй, в чем твое всевластье человечье?
Зверь ловок и силен, но, не владея речью,
Он пред тобой — ничто. А людям дан язык.
Груз башен каменных и тяжесть тучных нив,
Корабль, что входит в порт, моря избороздив,
Свечение звезды,
Течение воды,
Все, чем в своих садах наш взор ласкает Флора,
Закон содружества, которым мир богат,
Неумолимый смысл господня приговора,
Цветенье юности и старческий закат —
Все — только в языке! — находит выраженье.
В нем — жизни торжество, в нем — смерти
пораженье,
Над дикостью племен власть разума святого...
Ты вечен, человек, коль существует слово!

Но что на свете есть острее языка?
Что в бездну нас влечет с нещадной быстротою?
О, если б небеса сковали немотою
Того, чья злая речь развязна и мерзка!
Поля в холмах могил, смятенье городов,
Пожар на корабле у мертвых берегов,
Вероучений чад,
Что разум наш мрачат,
Слепая ненависть, которая нас душит,
Вражда церквей и школ, обман и колдовство,

Война, растлившая сердца, умы и души,
Смерть добродетели, порока торжество,
Любви и верности ужасная кончина —
Всему виной язык, он здесь — первопричина.
И коли речь твоя — рабыня смысла злого,
Ты гибнешь, человек, убитый ядом слова!

МЕРТВЕЦ ГОВОРИТ ИЗ СВОЕЙ МОГИЛЫ

Постой, прохожий! Не спеши!
Здесь, под плитой надгробной,
В немой кладбищенской глуши
Лежит тебе подобный.
Остановись! Со мной побудь!
И правды ты постигнешь суть.

Ты жив. Я мертв. Но ты и я —
Почти одно и то же.
Я — твой двойник. Я — тень твоя.
Во всем с тобой мы схожи.
Мне гнить в могильной глубине,
Но ты себя узри во мне.

Гость на земле, из всех гостей
Ты, человек, всех тленней.
Твой дух? — Игра слепых страстей.
Мысль? — Смена заблуждений.

Деянье? — Воздуха глоток.
Жизнь? — Безрассудных дней поток.

Ах, эта скорбная плита —
Как пограничный камень.
За ним угаснут красота,
Ума и сердца пламень.
Не протащить за этот круг
Меч, книгу, посох или плуг.

Нет! О пощаде не моли:
Не будет по-другому!
Как от подошвы до земли,
До мертвого — живому.
Так предначертано судьбой.
Твоя могила — под тобой.

О вы, творцы мудрейших книг,
Науки исполины,
Чей разум дерзостно проник
В познания глубины!
Я вас читал и почитал,
Но все равно сюда попал.

Будь именит и знаменит,
Стремись к высокой цели,—
Но слышишь? Колокол звонит!
По ком? Не по тебе ли?
Он вопрошает неспроста:
А совесть у тебя чиста?..

Твои уголья возросли,
Ты счастлив бесконечно,
Но много ль надобно земли,
Чтоб лечь в нее навечно.
И нужен смертнику навряд,
Помимо савана, наряд.

Ты брал, шагая напролом,
Услады жизни с бою,
Но титул, славу, двор и дом
Ты не возьмешь с собою.
И все, кто нынче слезы льет,
Тебя забудут через год.

Так думай о своей судьбе,
Поскольку жизнь — одна ведь!
Спеши хоть память о себе
Хорошую оставить...
Как ни молись, как ни постись —
Нельзя от смерти упасть!

Но там, в заоблачном краю,
Есть для души спасенье,
Кто честно прожил жизнь свою —
Дождется воскресенья!
От зла свой дух освободи!
Ты понял?.. А теперь — иди!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стенал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мои стихи воспламенил,
Мне режущая боль перо вложила в руку!

— Что ж, лайте! — я кричу обидчикам моим.—
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все попанное вами!

МАРТИН ОПИЦ

* * *

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта — в позоре,

Когда весь мир под стать Содому и Гоморре,—
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,

Изыществе манер, пленительности уст?!
Сколь холоден мой стих! Сколь низок он и пуст,
Для изможденных душ — ненужная обуза!
Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты — жалкий рифмоплет. Ты — больше не поэт.
И пусть тебя тогда навек отвергнет муза!

ЖАЛОБА

Любимая страна, где мера нашим бедам?
Какой из ужасов тебе еще не ведом?
Ответствуй: почему за столь короткий срок
Твой благородный лик так измениться смог?

Ты издавна была достойнейшей ареной
Для подвигов ума, для мысли вдохновенной.
Ах, не тебе ль вчера народы всей земли
Признательности дань восторженно несли?

Теперь восторг утих... Земле и небу нáзло
Ты предпочла войну, ты в грабежах погрязла.
Где мужество мужей? Где добродетель жен?
Безумием каким твой разум поражен?

Вглядишься в толпу сирот: что́ горше их печали?
Не только от меча отцы несчастных пали:
Кто смерти избежал, не тронутый в бою,
В бараке для чумных окончил жизнь свою.

Да, самый воздух наш таит в себе отраву!
Болезнь и мор вершат повальную расправу,
Терзают нашу плоть, из сердца кровь сосут.
Увы! Ни меч, ни щит от них нас не спасут.

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попраны, оплеваны права,
Честь обесчещена и совесть в нас мертва.

Мы словно отреклись от добрых нравов немцев,
Постыдно переняв повадки чужеземцев.
С нашествием врага из всех разверстых врат
К нам хлынули разбой, распутство и разврат.

Кто в силах вытерпеть падение такое
И угодать войне, себя не беспокоя,
Тот носит лед в груди, тот дьяволом влеком,
Тот вскормлен тиграми звериным молоком!

ПРЕСЫЩЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом оконным.
Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги!
Ветром луга подыши!»

Многомудрая ученость!
Есть ли в ней хоть малый прок?
Отвратить никто не смог
Мировую обреченность.
Роем взмыленных гонцов
Дни бегут, мелькают числа,

Чтобы нам без чувств, без смысла
В землю лечь в конце концов.

Эй ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?
До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Клóто,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!

Вот оно — бурлит в кувшине!
Можно к делу приступить.
Да! Совсем забыл!.. Купить
Надо сахару и дыни.
Обладатель сундуков,
От сокровищ ошалевши,
В кладовых торчит, не евши.
Наш обычай не таков!

Грянем песню! Выпьем, братья!
О стакан стакан звенит.
И пьянит меня, пьянит
Жизни светлое приятье!
Груды золота ценней —
Провести с друзьями почку!
Пусть умру я в одиночку —
Жить хочу в кругу друзей!

СЛОВО УТЕШЕНИЯ СРЕДЬ БЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться? . . .
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути —
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути.

Не лучше ль, отрешась от скорби узколобой,
Рассудком вознестись над завистью и злобой,
Чтоб нас не била дрожь, как маленьких детей,
Которых масками пугает лицедей?

Ведь все, что нас гнетет,— такие же личины:
Невзгоды, ужасы, болезни и кончины,
А счастье, из мечты не превратившись в быль,
Нахлынет, как волна, и — разлетится в пыль.

Все это — сон пустой!.. И до чего ж охота
Средь брэнности найти незыблемое что-то,
Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь.

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он храм опустошит, но только что с того?
Твоя душа — приют для бога твоего.

Пускай угонят скот, — благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба —
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть.

Преследованью, лжи, обиде и навету
Не одолеть, не взять святую крепость эту.
Она как мощный дуб, чья прочная кора
Способна выдержать удары топора.

На крыльях разума из темной нашей чаши
Она возносится над всем, что преходяще.
Бог чтит ее одну. Ей велено судьбой
Быть нам владычицей и никогда — рабой!

С чего же мы скорбим, неистовствуем, плачем,
Раз в глубине сердец сокровище мы прячем,
Что с вами нам дано не на́ день, не на час,
Что никаким врагам не отобрать у нас?!

ФРИДРИХ ЛОГАУ

ЭПИГРАММЫ

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

*

Все то, о чем мечтал, к чему всю жизнь стремился,
Посредством смерти я в конце концов добился:
Я умер на войне и приобрел свой дом,
И ни война, ни смерть меня не тронут в нем.

*

Наш славный век — венец времен —
Своей стыдливостью силен:
Бежит он, как от прокаженной,
При виде правды обнаженной.

ХРИСТИАН ГОФМАНСВАЛЬДАУ

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поднявшись из-за кручи,
Рассвет раздвинул тучи
Единым взмахом крыл.
Поблекли звезды; вскоре
Луна скатилась в море.
И я глаза открыл.

Восстав от сна ночного,
Я жизнь вкушаю снова,
Вновь бодрствует мой дух.
К рукам вернулась сила,
И утро воскресило
Мне зрение и слух.

О чудо пробужденья!
Господня снисхожденья
Ничем не заслужив,

Я — страшный грешник — все же
Живым проснулся!.. Боже,
О, как ты терпелив!

Средь злобы и гордыни
Я чахну, как в пустыне,
Не ведаю пути.
Мне без твоей подмоги
Спасительной дороги
Из скверны не найти.

Ты в доброте безмерной
Сверши, чтоб свет твой верный
Был мне вовек открыт.
Снабди мой дух крылами —
И наравне с орлами
Он к солнцу воспарит!..

РАДОСТЬ

Мне радость масленицей кажется подчас.
Неделя праздника, а сколько разговору!
Ждешь, ждешь ее, и вот — все раздражает нас:
То приторна еда, то маска нам не впору.
А этот целый год готовил фейерверк —
Каскад огней и звезд, хитросплетенье линий,
Чтоб за какой-то миг с шипением померк
Предмет его трудов, восторгов и уныний.

Все относительно. Нет прочности ни в чем.
Что дорого отцам, над тем глумятся дети.
И с отвращением мы вечером плюем
На то, что нам святым казалось на рассвете.
Великое во сне — ничтожно наяву.
Наш собственный порыв рождает в нас презренье.
Кто знает: может быть, я завтра разорву
Сегодня созданное мной стихотворенье?
О, хрупкость бытия! О, ненадежный свет!
Зачем же нас влечет в людскую эту давку?
Что́ радость? Что восторг? Все суета сует.
Так вовремя успеи на небо сделать ставку!

АНГЕЛУС СИЛЕЗИУС

ИЗРЕЧЕНИЯ

Нет в мире ничего чудесней человека:
В нем бог и сатана соседствуют от века.

*

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что бог — не в небесах, а здесь, в тебе самом?

*

Бог жив, пока я жив, в себе его храня.
Я без него ничто, но что он без меня?!

*

Как совершенно все, что вокруг себя мы зрим:
Стекляшка и алмаз, паук и серафим!

*

Когда богач твердит о бедности своей,
Поверь ему: он прав,— он нищего бедней.

*

Ты царства божьего все требуешь от неба,
А сам для бедняка жалеешь корку хлеба!

*

Неутомимо то, что господом зовут:
Его покой — в труде, в его покое — труд.

*

Ты, грешник, сетуешь на то, что пал Адам?!
Не пал бы первым он,— ты б это сделал сам.

*

Постой! Что значит «бог»? Не дух, не плоть, не
свет,
Не вера, не любовь, не призрак, не предмет,
Не зло и не добро, не в малом он, не в многом,
Он даже и не то, что именуют богом,
Не чувство он, не мысль, не звук, а только то,
О чем из всех из нас не ведает никто.

ГЕОРГ РУДОЛЬФ ВЕКЕРЛИН

ПИРУШКА

Достопочтеннейшие гости!
На время трапезы хотя б
Свои гадания отбросьте:
Силен противник или слаб?
Когда и где на бранном поле
Мы нанесем удар врагу?..
Ей-богу, слышать это боле
Я не могу.

Чем бесконечно тараторить:
Разбой, чума, беда, война —
Предпочитаю с вами спорить
О вкусе дичи и вина.
Вино взогреет кровь густую,
Дичь взбудоражит аппетит,

И ночью муж не вхолостую
С женой проспит.

О, гнет дворцового режима!
Набор ужимок, жестов, слов,
Которым чествовать должны мы
Монархов, канцлеров, послов!
О, тошнотворные беседы —
Неиссякаемый бассейн:
Валлоны, франки, немцы, шведы
И — Валленштейн!

Прочь с этой скучной дребеденью!
К нам в глотку просятся давно
Цыплята (что за объеденье!),
Жаркое, рыба, хлеб, вино!
Ну, господа, кто первым хочет
Обжечься сладостным огнем?
Хозяйка ждет. Вино клокочет.
Итак, начнем!..

Перо мне отдавило ухо.
К чертям перо! Давайте нож!
Какая будет заваруха!
Война объявлена! Ну, что ж!
Мои отважные солдаты!
Здесь милосердью места нет!
Вперед! За мной! На штурм салата!
Громи паштет!

Врага мы с флангов бьем и с тыла.
Что говорить! Удар не плох!
Пока жаркое не остыло —
На приступ! Взять его враспloh!
Ваш час настал, мозги коровьи!
Опустошительный разгром!
Мы жаждем мяса! Жаждем крови!
Мы хлещем ром!

Зубами яростно впивайся
В телячью ногу и не трусь!
Эй, рябчик, плачь! Свинья, сдавайся!
А! Вот и ты! Попался, гусь!..
На дам вы пачали бросаться!
Они милы, нежны, но все ж
Умеют драться и брыкаться!
Не подойдешь!

Когда б в Штральзунде, в Ла-Рошели
Стократ хваленные войска
Так штурмом брать форты умели,
Как мы берем окорока,
Когда могли бы те солдаты
Глушить врага, как мы — вино,
Все укрепления были б смяты
Давным-давно.

Подсыпь порохового перца!
Добавь-ка соли! Поживей!
Ага! Огонь допер до сердца!
Я ранен, кажется? Ей-ей!

О! Я гляжу — и вас задело?
Чем жжение раны утолить?
Давайте! Раз такое дело —
Налить! Налить!

Виват! Виктория! Победа!
Дымятся жерла жарких ртов.
Взята фортеция обеда!..
Ну, братцы, я совсем готов.
Хоть под столом, хоть под забором
Свалюсь до самого утра.
Но на прощанье грянем хором:
Ура! Ура!..

Ха-ха! Чудовище морское!
Ты слон! Нет, муха! Тсс... Молчу...
Гром! Ливень! Грохот! Что такое?
Гоните в окна саранчу!
Целуй! Люби! Терпеть нет мочи!
Я весь горю, как маков цвет...
Все это — вздор. Спокойной ночи!
Гасите свет!

...Когда к утру оплыли свечи
И уползла ночная тень,
Мои смиренные овечки
Встречали храпом новый день.
Что ж, коли так — пусть спят бедняги!
А пира дружеского хор
Увековечит на бумаге
Ваш Филодор.

И О Г А Н Н Р И С Т

ЖАЛОБА ГЕРМАНИИ

Как быть, что делать мне? Решиться не пора ли?
Веселье, радость, смех — все у меня украли.
Мой помутился разум,
Мой голос — хриплый вой.
Уж лучше кончить разом —
О камень головой!

Бездушными детьми мне вырыта могила.
Неужто я сама презренных змей вскормила?
Мой лик слезами зальит,
Мне боли не унять!
Как змеи жгут! Как жалят
Свою родную мать!

Из раны кровь — ручьем... Я столько лет терпела...
Не высказать тоски, что к сердцу прикипела.
Вот рана пламенеет,
А сердцу нет тепла...
Язык деревенеет...
Я кровью истекла...

Услышь, земная твердь! Услышь, морей пучина!
Раздоры и война — скорбей моих причина.
Бушующее пламя
Всех может сокрушить,
Но злобой и мечами
Его не потушить.

Где верность? Где любовь? Где праведность
и вера?

Устои сметены, порядочность — химера.
Немецкой кровью полнит
Простор земных широт,
Германию неволит
Мой собственный народ.

Долины и поля, под стать могильной яме,
Усеяны — увы! — немецкими костями.
Они снегов белее...
Усопшим не помочь.
Но я, о них болея,
Стенаю день и ночь...

Так чем нам заслужить господня милосердья?
Раскайся, мой народ! Плачь, не щадя усердья!
В слезах, забыв смущенье,
Раскрой свои сердца,
Чтоб выпросить прощенье
У нашего творца!

Вы ждете: я умру, не пересилив раны.
Но знайте, недруги: вам радоваться рано!
Для всех грядет конечный,
Неумолимый час.
Меня казнив, предвечный
Не пощадит и вас.

Но если вдруг господь мне ниспошлет свободу
И снова мир вернет немецкому народу,
Все сделаю, чтоб всюду
Свет кротости светил,
И жизнь лелеять буду,
Покуда хватит сил!

ВЕЧНОСТЬ

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

Всему свой срок и свой черед:
Ослабнет горе, боль замрет,
Смирится бессердечность.
Но день за днем, за веком век
Свой буйный, свой бесцельный бег
Не остановит вечность.

Ах, вечность! Ты страшишь меня!
Здесь, среди крови и огня,
Я ужасом охвачен.
Скажи, наступит ли предел?
Иль этот роковой удел
Навек нам предназначен?

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

ГАНС ГРИММЕЛЬСГАУЗЕН

ГИМН КРЕСТЬЯНСТВУ

На всей земле во все века
Клянут и давят мужика,
Но все, что пьем мы и едим,
Добыто не тобой, а им.

Чтоб род людской не подыхал,
Адам землю распахал.
Считай: от пахаря пошли
Все — в том числе и короли.

Чем жизнь красна и мир велик —
Вскормил и выходил мужик.
Насущный хлеб — земную рожь —
Ты из мужицких рук берешь.

Король — отечества оплот,
Нам богом посланный, и тот
Спешит крестьянство обобратить:
Иначе как прокормишь рать?

Из тех полуголодных сел
Плывет еда на барский стол,
От тех крестьянских рук и спин
Течет нам в глотку сладость вин.

Кто сердцем землю возлюбил,
Во славу ей дома срубил?
Зачах бы мир наверняка,
Не будь на свете мужика!

Лишь одного я не пойму:
С чего б печалиться ему?
Хоть обделен мужик добром,
Зато весьма здоров нутром.

Он ладно скроен, крепко спит.
Его подагра не страшит —
Болезнь, что часто сводит в гроб
Иных сиятельных особ.

При этом всем от чванства он
Господней волей защищен:
Тех, кто влачит свой тяжкий крест,
Вовек гордыня не заест!

Мужик тому душевно рад:
Вломился в дом к нему солдат,
Корову отнял, хлеб забрал,
Чтоб носа он не задира!

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

К САМОМУ СЕБЕ

Будь тверд без черствости, приветлив без
жестокости,
Стань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередование их предрешено судьбой.
Не сожалей о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытаясь в суть вещей проникнуть алчным
взглядом?

Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б я все постиг искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я — поэт — в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало
И страха смертного я сбросил бы ярем,—
Могли бы вы сказать: «Он обладает *всем!*»
Но что такое «*всё*» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале.
Шар, полный пустоты. Жизнь, данная нам зря.
Звук отзвука. *Ничто*, короче говоря.

НОВОГОДНЯЯ ОДА 1633

Край мой! Взгляд куда ни кинь —
Ты пустынное пустынь.
Милый Мейсен! Злобный рок
На позор тебя обрек.

Жмут нас полчища врага.
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?

Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах.

Если хлеба кто припас,
То давно проел припас.
Голод пир справляет свой
В опустевшей кладовой.

Так зачем и почему
Сеют войны и чуму?
Слушай, вражеская рать!
Может, хватит враждовать?

Жить в согласие — не зазор,
А война — для всех разор.
Разве стольких страшных бед
Стоят несколько побед?

Марс, опомнись! Не кичись!
Милосердью научись
И скажи: «На что мне меч?
Тьфу! Игра не стоит свеч!

Каску грозную свою
Певчим птахам отдаю,
Чтоб в канун весенних дней
Птицы гнезда вили в ней.

А кольчуги и клинки
Вам сгодятся, мужики!
Из клинков да из кольчуг
Будет лемех, будет плуг.

Не хотим военных свар!
Мир — вот неба высший дар!
Прочь войну, чуму, беду
В наступающем году!»

К ГЕРМАНИИ

Отчизна, справедлив твой горестный упрек:
Я молодость свою провел грешно и праздно,
Не исполнял твоих велений безотказно
И, вечно странствуя, был от тебя далек.

Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем не сообразно,
Но ничего с собой поделатъ я не мог.

Я лодка малая, привязанная к судну.
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.

Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома — ты во мне...

ПАУЛЬ ГЕРГАРДТ

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

О, слабость, о, недужность,
О, муки без конца!
О, горькая ненужность
Тернового венца!
Мертвы глаза, любовью
Сиявшие светло,
И выпачкано кровью
Высокое чело.

О ты, чей голос вечен,
Источник доброты,
Как больно изувечен,
Распят, унижен ты!
Какая злая сила
В какой злосчастный час
Преступно погасила
Свет, озарявший нас?

Горят кровоподтеки
Над раною сквозной,
Покрыты эти щеки
Смертельной белизной,
Той бледностью смертельной
От долгих мук твоих.
И в скорби беспредельной
Ты навсегда затих...

Гляжу — и без боязни
Все сознаю сполна:
В твоей ужасной казни
Есть и моя вина.
Стою перед тобою,
О скорбный лик Христов,
И вынести любое
Возмездие готов.

Прими меня, Спаситель,
В раскаянье моем!
Твой рот меня насытил
Блаженнейшим питьем,
Небесную усладу
Твой дух мне ниспослал,
Хранил, лелеял, смладу
От пагубы спасал.

Поверь мне и отныне
С тобою быть дозволю:
Я при твоей кончине
Твою утишу боль,

Когда в последнем стоне
Ты встретишь смерть свою,
Я подложу ладони
Под голову твою.

То — дело высшей чести,
То — божья благодать
Одним, с тобою вместе,
Страданием страдать.
Отраднa эта участь —
Твоим огнем гореть,
Твоею мукой мучась,
За правду умереть.

В деянии и в слове
Ты мне вернейший друг.
Лежит добро в основе
Твоих великих мук.
Ах, мужество и верность
Дай сердцу моему —
Я всех скорбей безмерность
Как должное приму.

Когда я мир покину,
Меня не покидай,
Когда навек остыну,
Свое тепло мне дай,
Своей незримой дланью

Тоску мою уйми,
За роковую гранью
К себе меня прими.

Пусть будет мне опорой
В смертельной маете
Тот чистый лик, который
Нам светит на кресте.
И этим светом чудным
Ты мне наполнишь грудь,
И станет мне нетрудным
Тогда последний путь.

МОЛЕНИЕ О ДРУЖБЕ

В мире грязном и угрюмом
Дружбой мы не дорожим,
Водим дружбу с толстосумом,
Прочь от бедного бежим.
Ах, вы баловень удачи?
Что ж! Прекрасно!.. А иначе
Первый друг и брат родной
Повернутся к вам спиной:..

Я охвачен думой грустной.
Бог, меня ты не оставь!
От расчетливости гнусной
Грешный разум мой избавь.
Если ж, небу в поношенье,

Впал я в злое искушенье,
Сбился с верного пути —
Образумь и просвети!

Дай мне сердце, чтоб пылало
Бескорыстной добротой,
Чтоб любить не уставало
Даже проклятых тобой,
Чтобы я их не чурался,
Чтобы истово старался
Быть опорой для них —
Угнетенных и нагих.

Встречу ль смертную обиду
Или хлынет кровь из ран,
Пусть мне будет, как Давиду,
Послан мой Иоанафан.
Хоть судьба неумолима,
С другом все преодолимо.
Он — мне пастырь, он и врач
Средь удач и неудач.

Посох в жизненной дороге,
Богом данный для того,
Чтоб, когда слабеют ноги,
Опереться на него.
Тот, кто посох этот бросит,
Пусть о милости не просит,
До скончания времен
Одиночеством казнен!..

А Б РА ГА М А С А Н Т А К Л А Р А

НОЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

По улицам ночным,
По переулкам спящим —
Четыре дурака —
Мы инструменты тащим.

Почувствовав в груди
Любовную истому,
Мы с музыкой своей
Бредем от дома к дому.

Едва взойдет луна,
Мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим,
Басим и барабаним.

«Прелестница, очнись
Скорее от дремоты!
Здесь, под твоим окном,
Мы разложили ноты.

Ах, осчастливит нас
Одна твоя улыбка!» —
Вздыхает барабан,
Тихонько просит скрипка.

«Твой взгляд дороже всей
Небесной благодати!» —
Поет гобой д'амур
У лютни на подхвате.

«Мы будем здесь стоять
Хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец
Не выглянешь в оконце!

Все арии тогда
Тебе споем мы хором,
С закатываньем глаз,
Со струнным перебором.

А коль ночной дозор
Пройдется по кварталу,
Мы ноги пустим в ход,
Чтоб шее не попало!

Вот так мы и живем,
Шатаясь где придется,
И пусть честной народ
Над дурнями смеется.

По улицам ночным
Мы с музыкой кочуем,
В надежде, что хоть раз
С тобой переночуем».

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Я старый, стреляный солдат,
Ничем особым не богат,
Прекраснейшая дама!
Не золото, не серебро,
Одна лишь честь — мое добро.
В том признаюсь вам прямо.

Моя палатка — замо́к мой,
Живу в ней летом и зимой.
Хожу в худом камзоле.
Да хныкать совесть не велит:
Ко мне господь благоволит
В бою, на бранном поле.

Весь провиант мой — хлеб и сыр,
Не больно тут устроишь пир!

Да не поймите ложно:
Лишь были б хлеб, да табачок,
Да придорожный кабачок —
И жить на свете можно!

Чего там горе и печаль!
Я уповаю на пищаль.
К врагу ворвешься в нору,
Как пригрозишь: «А ну, малёк!
Решайся: жизнь иль кошелек?» —
Все выложит без спору.

Постель мне — черная земля,
А сплю не хуже короля,
Храплю себе пресладко.
Но попрошу иметь в виду:
Я меч под голову кладу
Для пущего порядка!

Уж не такой-то я дурак,
Хоть не силен по части врак:
Ослепну, онемею,
Состарюсь, надо полагать,
В дугу согнусь — а вот солгать,
Ей-богу, не сумею!

Война для всех нехороша.
И все ж — как тешится душа,
Когда охрипшим басом
Взревет труба, взметнув картечь,

И задубасит тяжкий меч
По вражеским кирасам!

Гул барабанов. Треск пальбы.
Дым. Пламя. Кони — на дыбы.
Беснуется железо.
Тут стал бы пятиться как рак,
Да не сдержат себя никак.
В атаку первым лезу.

Кто знает, может, поутру
Я, насмерть раненный, помру,
Коли судьба изменит.
И все же верю: «Пронесет!
Святая троица спасет —
И пуля не заденет!»

Кому и жизнь моя нужна?
Вот были б дети и жена,
Тогда — другое дело.
А нынче — некому рыдать...
Вели, вахмистр, земле предать
Изрубленное тело!

Пускай на память обо мне
Три залпа грянут в тишине.
А я, закрывши веки,
Усну в земле, покуда нас
Всех не разбудит трубный глас,
Чтоб воскресить навеки.

И коль случится вам прочесть
Иль, может, где услышать весть
О гибели солдата,
Скажите просто: «Это — он!
Ах, без взаимности влюблен
Он был в меня когда-то!»

Вчерашний день одно лицо
Передало мне письмецо
От вас — моей богини,
Что, дескать, я в грехах погряз,
Что честь и совесть порастряс,
Скитаясь на чужбине.

Я по прочтении письма
Обескуражен был весьма,
Слезами обливался:
Я честен сердцем и умом,
И в добром имени моем
Никто не сомневался!

Сей незаслуженный навет
На многое мне пролил свет...
Герои битв победных,
Солдаты честные! Не нам
Искать любви прекрасных дам, —
Сейчас не любят бедных.

ПЕСНЬ О ГИБЕЛИ
И ЗЛОДЕЙСКОМ РАЗРУШЕНИИ
МАГДЕБУРГА

Ах, разнесчастливая страна,
Германия, скажи нам,
За что ты так осквернена
Своим преступным сыном?
Он смел распять родную мать,
Покрыть ее позором!
Он отчий дом спалил огнем,
На радость папским сворам!

Мы были верою крепки.
О Магдебург, не ты ли
Держался стойко, вопреки
Злодейским козням Тилли?
Он пер всему наперекор,
Томил тебя в осаде,
Но каждый раз бежал от нас
В смятенье и в досаде.

То горожан свободных рать,
Став грозною пехотой,
Шла за свободу умирать
С великою охотой.
Когда бы все такой красе
Душевной подражали,
Мы б на века наверняка
Победу одержали.

Мы знаем, Магдебург, что ты
Был бастионом веры.
Твоей высокой чистоты
Страшились изуверы.
Ах, честь была в годину зла
Твоим святым законом.
В избытке сил ты наносил
Удары по драконам.

Но яд измены — тайный яд
В твое прокрался сердце.
Проник губительный разлад
В ряды единоверцев.
О, стыд и гнев! Невинность дев
Поругана врагами.
Твои сыны обречены
Стать папскими рабами.

Презрен и проклят будь король,
Сей выродок ледащий,
На то, как нас терзает боль,
Бестрепетно глядящий.
Властитель сей — простой лакей
Иезуитской власти.
Беда! Беда! Попов орда
Рвет родину на части.

Дрожи, виновник наших слез,
И вы, попы,— с ним вместе!
Над вами яростно занес

Десницу ангел мести!
Кто нынче сир, — покой и мир
Войдут под наши своды!
Мы возведем надежный дом
Единства и свободы!

А тот, кем отчий град спален,
Кто пролил крови реки,
Тройным проклятьем будь клеймен
И присно и вовеки!
Клянемся сим, что воскресим
Свой Магдебург в преданьях.
Молва пройдет из рода в род
О славе и страданиях.

**ГЕНЕРАЛ ХОЛЬК,
УМИРАЯ В 1633 ГОДУ
В АДОРФЕ
ОТ ЧУМЫ, ГОВОРИТ**

Спаси меня, о боже!
Лежу на смертном ложе —
В какую влип беду!
Господь, подумай только,
Что генерала Холька
Ждут дьяволы в аду!

Я — лютеранской веры.
Но все ж из-за карьеры

(Черт бы ее побрал!)
Сказал себе: «Не струшу,
Продам-ка папе душу!» —
И вот я — генерал.

В бою и перед боем
Не брезговал разбоем.
Добром набил сундук.
Ах, то был труд излишний!
Спаси меня, всевышний!
Избавь от вечных мук!

Как подведут итоги,
Раздастся голос строгий:
«Ты Лейпциг разорил!
Все пропил, промотал ты,
Деньгами, что украл ты,
Бессовестно сорил!»

Жаль, смерть меня скрутила.
А я ведь был кутила,
Знал, что такое страсть!
Мы пели, пили, жрали,
А люди помирали,
Чтоб нам кутилось всласть.

Все полетело прахом!
Дрожу, охвачен страхом:
Вот-вот сойду с ума.
В кишках — сплошное жженье,

Я проиграл сраженье,
И верх взяла чума.

Стращайте не стращайте —
Пришел конец... Прощайте!
Издам последний вздох.
Я, в лапах у соблазна,
Жизнь прожил безобразно
И грешником подох.

ОТХОДНАЯ ВАЛЛЕНШТЕЙНУ

Вот, брат, такие-то дела:
Герой, «Железная Метла»,
Сам Валленштейн дал дуба.
Заколот (есть слушок такой)
Он императорской рукой,—
Сработано не грубо!

Уж больно он высоко лез —
Всегда и всем наперерез,
Могущества добился.
И до чего же вдруг сглупил:
Со шведом в заговор вступил —
И жизнью поплатился.

Был знаменитый генерал:
Куда как лихо воевал

В дыму, в огне сражений.
Хитер душой, весьма не глуп,
На подвиг щедр, на слово скуп,
Не ведал поражений.

Он мог и друга и врага
Раздеть как липку — донага,
Без совести и права.
Грабеж — дурное ремесло:
Богатство сильно возросло,
Да приутихла слава.

Добыть задумал под конец
Он императорский венец,
Рассесться на престоле.
Шалишь! Не вышел этот трюк.
Тут наступил ему каюк
По августейшей воле...

Его страшили то и знай
Крик петуха, собачий лай,—
А был ведь храбрый воин!
Отныне он навеки глух.
Пусть лает пес, кричит петух —
Он помер. Он спокоен.

Да, дело скверное — увы!
Не прыгнуть выше головы.
Кажись, уж ты всеилен —
Да ножку вдруг подставил бес.

Дуб вроде вырос до небес,
А ствол, глядишь, подпилен.

Эх, Валленштейн, прощай-прости,
Желаем доброго пути!

Ты в мир отходишь лучший.
В сырой земле истлеет плоть,
Но будет милостив господь
К твоей душе заблудшей!

ГОЛУБЬ — ПТИЦА ГОЛУБАЯ

*На появление сего вестника
счастья с зеленой оливко-
вой ветвью в омытой морем
слез, военною бурей истер-
занной, трижды несчастной
Н Е М Е Ц К О Й С Т Р А Н Е*

Путь-дорогу пролагая
Сквозь губительный огонь,
Голубь — птица голубая
Сядет миру на ладонь.
И тотчас утихнет рубка,
Смолкнет ярых пушек гром,
Лишь появится голубка
С ветвью в клюве золотом...

О, в какой глухой печали,
Средь каких повальных бед
Птицу-вестницу мы ждали

Целых тридцать долгих лет!
Пустырем отчизна стала,
Слезы выпиты до дна,
Даже смерть — и та устала...
Так окончилась война.

Что ж, ликуйте без боязни!
Милосердный бог стерпел
Вашу злость, что безобразней
Самых злых и черных дел.
Словно господу во славу,
Ради мира и любви,
Вы преступно и лукаво
Утопили мир в крови!

Ах, когда вражде и мести
Век бы не было конца,
Бог с иной, недоброй вестью
Снарядил бы к нам гонца.
Но, узрев во мгле страданья
Исцеления залог,
Он в знак мира и братанья
В небе радугу зажег.

Отступили злые духи,
Божья милость нас спасла,
Хоть страна еще в разрухе,
Да и мертвым нет числа.
В светлый праздник избавленья
Жар вселья всем к лицу.

Но сперва, склонив колени,
Мы помолимся творцу.

А затем возьмемся дружно
За работу — как один!
Сколько стен воздвигнуть нужно
Из безжизненных руин.
Рук молитвенно не сложим,
Новый складывая дом,—
Славу господу умножим
Нескончаемым трудом,

Созиданьем, украшеньем
Вечной родины своей,
Чудотворным воскрешеньем
Исстрадавшихся полей.
Помоги нам, боже, в этом!
Край немецкий не покинь!
Новым, добрым, мирным светом
Озари его!.. Аминь!

Танс Сакс
на старинной гравюре

Тете

Воскресным утром в своей мастерской
Наш славный мастер вкушает покой.
Он грязный фартук бросил под стол,
Надел свой праздничный, чистый камзол.
И пусть почивают гвозди, клещи,
Дратва, шило и прочие вещи.
Пусть в день седьмой отдыхает рука
От иглы сапожной и молотка.
Но весеннее солнце как припечет,
И досуг его к новой работе влечет.
Чувствует мастер: в назначенный срок
В мозгу его вызрел некий мирок,
Дышит, живет, спешит отделиться,
От своего создателя удалиться.
Умен и зорок взгляд у него,
Притом он добрейшее существо.
Ясным взором весь мир обнимет
И целый мир в себя он примет.

А речь-то, речь у него какова!
Легко, вольготно льются слова.
Музы его на пир приглашают:
Майстерзингером провозглашают!..
Вот женщина молодая идет:
Пышные груди, округлый живот...
Да, на ногах стоит она твердо!
Держится царственно. Шествует гордо.
Не станет вилять ни хвостом, ни задом,
Вправо-влево рыскать взглядом.
В руке у ней циркуль, и обвита
Лента золотая вокруг живота.
Венок из колосьев на лоб надет.
В очах — дневной, ослепительный свет...
Она обладает завидной известностью,
Зовясь Прямодушьем, Достоинством,
Честностью...

Вошла с поклоном она да с приветом,
А мастер наш хоть бы что при этом!
Он на нее и не поднял глаз:
Тебя, мол, вижу не в первый раз.
Она говорит: «В суматохе повальной
Ты, мастер, нрав сохранил похвальный,
Поскольку твоя голова ясна,
Поступки достойны, душа честна.
Мается дурью людское стадо,
А ты все поймешь, смекнешь с полувзгляда.
Люди хнычут, прибиты уныньем сплошным,
А ты им представишь сей мир смешным!
Так, утверждая закон и право,

В суть вещей ты вникнешь здраво:
Прославишь Набожность и Честь,
Зло покажешь, каким оно есть.
Порок не прикрасишь и не пригладишь,
Издвкой Красоту не изгадишь,
А будешь видеть естество,
Как Альбрехт Дюрер видел его,—
Во всей его правде и точности,
Во всей его жизненной сочности.
И поведет тебя гений природы
Сквозь страны, времена и народы,
И тебе откроется жизнь сама —
Ее диковинная кутерьма,
Людская возня, суета, мельтешенье,
Беготня, и гонка, и копошенье,
Так что род человеческий порой
Ты примешь за муравьиный рой,
Однако на весь этот пестрый поток
Ты будешь смотреть, как смотрят в раек,
А потом все, что видел, людям изложишь
И, возможно, им взяться за ум поможешь...»
Она распахивает окно:
Всяческих тварей за ним полно!
Различны их виды, сорта и оттенки,
Как в ином стихотворенье его или сценке.

Мастер блаженствует у окна.
Развеселила его весна.
Меж тем, кряхтя, сопя, приседая,
В мастерскую старуха вошла преседа.

Сказать вам, кто это была? —
История, Мифология, Фабула!
Скрючена, сморщена, а на спину
Она взвалила себе картину,
Доску с диковинною резьбой,
Которую тащит она с собой.
Там господь в торжественном облаченье
Проповедует людям свое ученье,
И, конечно, Ева там и Адам,
И Содом и Гоморра тоже там,
И образ двенадцати светлых жен
В зеркале чести отражен.
Там же — блуд, и разбой, и бесчинства черни,
И двенадцать тиранов, погрязших в скверне,
Справедливо наказанных божьей грозой...
И, конечно, там Петр со своею козой,
Недовольный вначале мироустройством,
Но затем совладавший с душевным
расстройством...

И у старушки расписан подол:
Здесь случаи всяческих бед и зол,
А также примеры правды и света...

Наш мастер с улыбкой смотрит на это.
Он, можно сказать, бесконечно рад:
В хозяйстве подобные вещи — клад.
Все эти случаи и примеры,
Своей придерживаясь манеры,
Искуснейше он перескажет нам,
Как если б он все это видел сам...

Картинами редкостными влеком,
Мастер отдался им целиком,
Но вдруг над собою слышит он
Треск погремушки, бубенчиков звон.

Ага! Это Шут ему бьет челом:
Мартышкой вертится, блеет козлом,
А языком-то как бойко чешет!
Знать, байкой смешною его потешит.
Явился он чрезвычайно кстати,
Ведя за собой на длиннющем канате
Наиразличнейших дураков:
Дураков молодых, дураков-стариков,
Дураков-бедняков, дураков богатых,
Прямых и кривых, худых и пузатых,
Дураков-грамотеев, дураков-невежд,
Безнадежных, но полных дурацких надежд.
Размахивая бычачьим хвостом,
Шут погоняет их, как хлыстом.
А ну, пускай попарятся в бане!
Может, освободятся от дряни!
Являет Шут чудеса умения,
А число дураков растет тем не менес...

Наш мастер следить поспекает едва,
Кругом пошла у него голова:
Как обо всем этом рассказать?
Как это все воедино связать?
Да и слова подобрать какие,
Чтобы дела описать людские?
И где найти над собою власть,

Чтобы при этом в унынье не впасть
И не утратить душевного пыла?
Вдруг облачко к окошку подплыло
И в комнату прямо с него сошла
Красавица Муза, чиста и светла,—
Лучезарностью правды его озаряет,
Силой действенной ясности одаряет.
Она говорит: «Я пришла сюда,
Благословляю тебя навсегда.
Пусть священный огонь, что в тебе таится,
Светлым, жарким, высоким костром разгорится,
Но чтоб жизнь тебя вперед несла,
Я бальзам для души твоей припасла:
Да упьется она красою,
Словно почка весенней росой!...»

И вот, обернувшись назад,
Он видит дверцу, ведущую в сад,
И там, за невысоким забором,
Видит Девушку с томным, поникшим взором.
Под яблонькой, перед ручейком,
Она сидит, вздыхает тайком.
И преискусно плетет веночек
Из алых роз — к цветку цветочек.
Ах, кто обладателем станет венка?
Она и сама не знает пока.
Но что-то ждет ее впереди,
И оттого — томленье в груди,
И мыслей смятенье, и взор этот влажный,
И вздох печальный и протяжный.

Дитя мое, радость моя, поверь,
Все, что тревожит тебя теперь,
Превратится в усладу и в благодать —
Надо только милого подождать.
Ты увидишь: единственный твой придет,
И забвенье в объятьях твоих найдет,
И будет взором твоим исцелен
Тот, кто был судьбой, как огнем, опален.
Пусть его лихорадит, пускай трясет —
Его лишь твой поцелуй спасет.
И, от всех напастей освобожден,
К жизни будет любовью он возрожден.
Твое лукавство и плутовство
Не лекарство разве, не волшебство?..
И любовь остается навек молода,
И поэт не состарится никогда!..

Так наш мастер сладчайшее чудо зрит.
В этот миг над главою его парит
Дубовый венок среди облаков —
Награда певцу от грядущих веков.

И пусть к дьяволу тот попадет в кабалу,
Кто не воздаст ему честь и хвалу!

Мужицкая серенада
и
Лагерь Валленштейна

Шиллер

МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА

Слышишь? Выгляни в окно!

Средь дождя и мрака

Я торчу давным-давно,

Мерзну, как собака.

Ну и дождь! Потоп кругом!

Барабанит в себе гром.

Спрятаться куда бы?

До чего же ливень зол!

Мокнут шляпа и камзол

Из-за вздорной бабы.

Дождь и гром. В глазах черно.

Слышишь? Выгляни в окно!

К черту! Выгляни в окно!

Холод сводит скулы.

Месяц спрятался. Темно
И фонарь задуло.
Слышишь? Если, на беду,
Я в канаву упаду —
Захлебнуться можно.
Темнота черней чернил.
Дьявол, зная, тебя учил
Поступать безбожно!
Дождь и гром. В глазах черно.
Баба, выгляни в окно!

Дура, выгляни в окно!
Ах, тебе не жалко?
Я молил, я плакал, но —
Здесь вернее палка.
Иль я попросту дурак,
Чтоб всю ночь срамиться так
Перед целым светом?
Ноют руки, стынет кровь, —
Распроклятая любовь
Виновата в этом!
Дождь и гром. В глазах черно.
Стерва, выгляни в окно!

Тьфу ты черт! Дождусь ли дня?..
Только что со мною?..
Эта ведьма на меня
Вылила помой!
Сколько я истратил сил,

Холод, голод, дождь сносил
Ради той чертовки!
Дьявол в юбке!.. Хватит петь!
Не намерен я терпеть
Подлые издевки.
Дождь и ветер! Шут с тобой!
Баста! Я пошел домой!

ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ БАХУСА

Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Отчего ж ты, брат, невесел?
Ведь немало куролесил,—
Скольких с толку сбил ты, брат!
Делал умника болваном,
Застилал глаза туманом,
Одурачивал рассудки,
Выворачивал желудки,
В тигров обращал ягнят!
Набекрень сдвигали шляпы
Мы, в твои попавшись лапы,
И мелькали в дикой пляске
Зданья, улицы, коляски.
Неспроста тебя винят!

Что ж! Отведай в этой клетке
Горький плод своей же ветки;
Выворачивай желудок,
Потеряй и ты рассудок.
 Не уйдешь отсюда, брат,—
 Будешь сам себе не рад!»

Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Мы тебя, браток, потешим,
Языки теперь почешем.

 Вспомни, старый зубоскал,
Как, твое вкусивши зелье,
Мы кружились каруселью,
Как в глазах у нас темнело,
Как в ушах у нас звенело.

 Получай, чего искал!
Из пивной, бывало, выйдем —
Солнца на небе не видим,
Выпив чертову отраву,
С ходу валимся в канаву.

 Вспомни, старый зубоскал,
Как луна хмельною ночью
Нам казалась винной бочкой,
Как мы башни и курганы
Принимали за стаканы.

 Вспомни, старый зубоскал!
 Получай, чего искал!»
Валит валом из ворот
Весь народ,

Взяли парня в оборот!
«Козни плеть ты мог неплохо.
Отчего ж примолк, пройдоха?
Иль не знаешь, как тут быть?
Видно, в этой переделке
Ты забыл свои проделки
И, умаявшись от качки,
Стал подобен глупой прачке,
Растеряв былую прыть!
Но послушай: ведь не худо
Улизнуть тебе отсюда.
Так беги ж, спасая шкуру
К своему дружку Амуру.
Прочь, негодный лоботряс!
Улепетывай-ка! Живо!
Мы ведь, парень, незлобивы,—
Но коль снова попадешься,
От расправы не спасешься!
Что, бездельник? Понял нас?
Ну, так вот тебе наказ!»

ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ

Да, я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой?
Найдись такой — пляши и пой
И не робей, друг милый!

Лицом подобен богу я
И вынужден признаться,
Что пью свободно из ручья,
Где небеса струятся.

Я горд, что черпать в нем могу,
Что тем ручьем владею.
Навстречу девушке бегу —
Целую прямо в шею!

Она красна, что маков цвет.
Известно, в чем причина:
Стал тесен девушке корсет,—
Понятно, я ж мужчина.

Когда в купальню к ней ворвусь,
О, как она заплачет!
Ведь я — мужчина, и клянусь —
Немало это значит!

Да, я — мужчина, хоть порой
Одет весьма плачевно,
Но оставлять вдвоем со мной
Опасно и царевну.

Словцо я знаю, чтоб тотчас
Нежнейшие принцессы
Меня любили, а не вас,
Вельможные балбесы!

Да, я — мужчина! Суть мою
Вам лира доказала.
На ней победу я пою,
Мне хныкать не пристало!

Ведь впоены одной рекой,
Истоком всех творений,
Воззавшим к жизни род людской,
И божество и гений.

Тиранов я могу стереть
Победным талисманом,
Что рад скорей в огне сгореть,
Но не служить тиранам.

Он против перса вел полки,
На Гранике продымлен
И на германские пески
Швырял развратных римлян.

Взгляните: кто это сидит
Там, в африканском пекле?
Кудряв. Могуч. Огонь кипит
В очах, подобных Гекле.

Явился отрок молодой,
А тот ему надменно:
«Ты чуешь? Марий пред тобой
На прахе Карфагена!»

Велик, хотя и побежден,
Он даром не сдается.
Ведь и в беде — мужчина он,
И мир пред ним трясется.

Но внуки жалкие его
Все промотали с детства,
И не осталось ничего
От славного наследства.

Эх, племя! Не душа — а пар!
Без пользы и без славы
Вы прошутили высший дар —
Свое мужское право.

Кряхтя, с улыбкой неживой,
Бредут толпой бесполой,
Тряся порожней головой,
Подобной тыкве полой.

Так старый химикус вино
Прогонит сквозь реторту —
И что ж: название одно,
А спирт и крепость к черту!

Едва завидят женский взгляд,
Они дрожат, и млеют,
И замирают, и скулят —
Хотят, да не умеют.

Мрачнеют сердцем и лицом...
Не зря их зависть гложет:
Кто не способен быть отцом,
Тот и любить не может!

Вот отчего, гордясь собой,
Кричу подруге милой:
«Да! Я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой!»

МУДРЕЦЫ

Тот тезис, в ком обрел предмет
Объем и содержанье,
Гвоздь, на который грешный свет
Повесил Зевс, от страшных бед
Спасая мирозданье,—
Кто этот тезис назовет,
В том светлый дух, и гений тот,
Кто сможет точно взвесить,
Что двадцать пять — не десять.

От снега — холод, ночь — темна,
Без ног — не разгуляться,
Сияет на небе луна.
Едва ли логика нужна,
Чтоб в этом разобраться.

Но метафизик разъяснит,
Что тот не мерзнет, кто горит,
Что все глухое — глухо,
А все сухое — сухо.

Герой врагов разит мечом,
Гомер творит поэмы.
Кто честен — жив своим трудом,
И здесь, конечно, ни при чем
Логические схемы.
Но коль свершить ты что-то смог,
Тотчас Картезиус и Локк
Докажут без смущенья
Возможность совершенья.

За силой — право. Трусить брось —
Иль встанешь на колени!
Издревле эдак повелось,
И скверно б иначе пришлось
На жизненной арене.
Но чем бы стал порядок тот,
Коль было б все наоборот,
Расскажет теоретик —
Истолкователь этик:

«Без человека человек
Благ не обрящет вечных.
Единством славен этот век.
Сотворены просторы рек
Из капель бесконечных!»

Чтоб нам не быть под стать волкам,
Герр Пуффендорф и Федер нам
Подносят, как лекарство:
«Сплотитесь в государство!»

Но их профессорская речь —
Увы! — не всем доступна.
И чтобы землю уберечь
И нас в несчастья не вовлечь,
Природа неотступно
Сама крепит взаимосвязь,
На мудрецов не положась.
И чтобы мир был молод,
Царят любовь и голод!

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вахмистр } карабинеры из полка графа
Трубач } Терцки.
Канонир.
Стрелки.
Два хольковских егеря.
Бутлеровские драгуны.
Аркебузиры тифенбахского полка.
Кирасир валлонского полка.
Кирасир ломбардского полка.
Хорваты.
Уланы.
Рекрут.
Горожанин.
Крестьянин.
Его сын.
Капуцин.
Учитель солдатской школы.
Маркитантка.
Служанка.
Солдатские дети.
Гобойсты.

Перед городом Пильзеном в Богемии.

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

Палатка маркитантки. Перед лавкой, где торгуют мелочным товаром и ветошью, толпятся солдаты всевозможных родов войск и знамен. Все столы заняты. Хорваты и улапы что-то варят, усевшись вокруг костра. Маркитантка разливает вино; солдатские дети играют в кости на барабане. В палатке поют.

К р е с т ь я н и н с с ы н о м .

С ы н

Ох, отец, мы в беду попали.
Надо бы нам от солдат подале!
Худо с такими дружками знаться:
Можно легко без башки остаться.

К р е с т ь я н и н

Э, не сожрут, дуралей! Не бреши ты!
Мы-то ведь тоже не лыком шиты.
Видишь, свежее войско прет
С Заалы да с Майна... Лихой народ!
Ранцы набиты редким товаром.
Значит, пришли мы сюда недаром.
Покойник ротный, спаси его бог,
Игральные кости мне дал в залог.
Вот и проверим на этой бражке,
Старые действуют ли костяшки.
Знай только строй из себя дурака,
Уши развесят наверняка.
Славный народ! Поклонись им в пояс,
Что сперли — продуют, не беспокоясь.
Пришли с лопатами к нам за добром,—
По ложечке все мы назад заберем.

Они нас прикладом, мечом и плеткой,
А мы их уловкой берем да сметкой.

Из палаток доносятся хохот и пение.

Ишь расходились! Боже ты мой!
За счет мужика небось брюхо отъели.
Восемь месяцев, как этот рой
В наши хлева залетел и в постели.
Пройдись, пошарь-ка по всей долине —
Ни куренка, ни зернышка нет и в помине.
Такая беда — прямо в петлю лезь.
Нечего жрать, хоть гложи свои кости.
Было, ей-богу, не хуже здесь,
Когда к нам Сакс заявился в гости.
А еще имперские! Герои!..

С ы н

Отец! Вон из кухни выходят двое.
Выглядят, правда, не очень завидно.

К р е с т ь я н и н

Это богемские. Сразу видно.
Карабинеры Терцки. Пустейший народ.
Толкутся на месте — ни взад, ни вперед!
Вреднейшие, можно сказать, вояки:
Заносятся, пыжатыся — тьфу, собаки!
Брезгают нами и нипочем
Не выпьют стаканчик-другой с мужиком.
Но что это? Трех стрелков я вижу
Там, у костра... Подойдем поближе.

Может, тирольцы? Ну, так и есть!
Эммерих, надо бы к ним подсесть.
Шустрые птицы. Щебечут складно,
Да и деньжонок у них изрядно.

Направляются к палаткам.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Т е ж е. Вахмистр. Трубач. У л а н.

Т р у б а ч

Мужик! Проваливай! Эй, куда?

К р е с т ь я н и н

Сжальтесь, добрейшие господа.
С голоду брюхо свело, поверьте.

Т р у б а ч

Все бы вам жрать да пьянствовать, черти!

У л а н

(со стаканом в руке)

Ты голоден? Выпей-ка, сучий сын!
(Уводит крестьянина в палатку.)

Вахмистр и трубач выходят вперед.

В а х м и с т р

(трубачу)

Значит, ты думаешь, без причин
Вдвое нам повышают плату —
Так, чтоб вольготней жилось солдату?

Т р у б а ч

Слыхивал я, герцогиня сюда
С дочерью жалует.

В а х м и с т р

Ерунда!

Дело не в этом. Куском отменным
Новое войско, что к пильзенским стенам
Ныне подходит, умастить хотят —
Швабов, хорватов, тирольских солдат,
Чтоб стал каждый из них покорен
Нашим начальникам. Вот в чем корень!

Т р у б а ч

Да. Неспроста. Замышляют что-то...

В а х м и с т р

Господа коменданты и генералы...

Т р у б а ч

Ясно, нечистая тут работа...

В а х м и с т р

Видишь, сколько их понагнало!

Т р у б а ч

Знать, не от скуки здесь время проводят...

В а х м и с т р

Шепчутся, ищут у нас измены...

Т р у б а ч

Черти!

В а х м и с т р

А старый парик из Вены
С ночи вчерашней по лагерю бродит.
Бьюсь об заклад, он у нас не случайно!
Чуешь? За всем этим скрыта тайна.

Т р у б а ч

Поймите: ищейка это, шпион.
К герцогу, видно, подослан он.

В а х м и с т р

Ага, смекаешь, брат? Нет нам веры.
Фридландца страшатся они сверх меры,—
Ведь силы такой у них не бывало.
Хотят его сбросить во что б то ни стало.

Т р у б а ч

Но мы-то с вами ведь не таим,
Что все, как один, за него стоим.

В а х м и с т р

Наш полк и еще четыре — с ним.
Ведет нас Фридландца шурин Терцки.
Корпус, прямо скажу, молодецкий.
Герцог нас воспитал, вскормил.
Мы для него не жалеем сил

И со своим командиром смелым
Служим Фридландцу душой и телом!

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Т е ж е. Х о р в а т с о ж е р е л ь е м. З а н и м с т р е л о к.

С т р е л о к

Хорват, где стянул ожерелье это?
Давай меняться! Гляди, чудак,
Даю за стекляшки два пистолета.

Х о р в а т

Нет, нет, стрелок! Не могу никак!

С т р е л о к

Держи в придачу синий колпак.
Достался мне новеньким в лотерею.
Знатный колпак! Век носить бы рад.

Х о р в а т

А это, смотри, жемчуга да гранат.
Как солнце горит. Нацепи на шею!

С т р е л о к

(берет ожерелье)

Ну ладно! Бери еще флягу вина.

(Рассматривает ожерелье.)

Блестит... А ведь так, безделка одна!

Т р у б а ч

Эге! Он его колпаком околпачит.
Молчу, стрелок. Но барыш пополам.

Х о р в а т
(надев колпак)

Колпак твой мне вроде нравится...

С т р е л о к
(подмигивает трубачу)

Значит,
Меняем? Все видели?.. По рукам!

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Т е ж е и к а н о н и р .

К а н о н и р

Ну как дела? Чего слышал, брат?
Долго ли будем тут греться в холе?
Противник-то свеженьким вышел в поле.

В а х м и с т р

А вам с чего больше всех страдать?
Дороги размыло. Придется ждать.

К а н о н и р

Да мне-то что! А вот, говорят,
Гонец прискакал. Привез донесенье:
Пал Регенсбург в прошлое воскресенье.

Т р у б а ч

Гм... Значит, скоро двинут резервы.

В а х м и с т р

На помощь баварцу? Как бы не так!
Жулик он. Герцогу недруг первый.
Нет уж! Пусть ищут других вояк.

К а н о н и р

Ого! Ну, вы, я смотрю, не дурак.

я в л е н и е п я т о е

Те же и два егеря. Потом маркитантка.
Солдатские дети. Учитель солдатской школы.
Служанка.

П е р в ы й е г е р ь

Постой-ка!
Да тут у них картеж и попойка!

Т р у б а ч

Эй, вы, в зеленом, кто такие?
Откуда курточки щегольские?

В а х м и с т р

Егери Холька... Мундиры богаты!
Небось не с лейпцигской ярмарки взяты.

М а р к и т а н т к а
(приносит вино)

С приездом, сударь!

П е р в ы й е г е р ь

Чтоб мне удавиться!

Да это же Густель из Блазевица!
Вот так встреча!

М а р к и т а н т к а

А вы, мусьё,
Никак, длинный Петер из Итцео,
Что с нашим полком за стаканом жженки
По ветру пустил отцовы деньжонки
В Глюкштадте? Помните или нет?

П е р в ы й е г е р ь

Как я перо променял на мушкет?

М а р к и т а н т к а

Ну да, это вы! Побожиться готова!

П е р в ы й е г е р ь

Значит, в Богемии встретились снова.

М а р к и т а н т к а

Сегодня здесь, завтра там, зятек.
Метла войны — страшная сила!
Метет нас на запад и на восток.
Я так полсвета исколесила.

Первый егерь

Можно представить себе.

Маркитантка

Товар

Возила далеко, под Темешвар,
Когда мы с боями гнали Мансфельдца.
Ох, и веселое было дельце!
Потом к Штральзунду с герцогом шла.
Вдруг лопнуло все. Разорилась дотла.
На Мантую двинулась с инфантерией.
С Фридландцем туда, а обратно с Ферией.
В испанском полку получила патент,
В атаку ходила на город Гент.
Теперь в Богемии есть делишки:
Старые надо собрать долгишки.
Коль князь мне поможет, все будет гладко...
Вишь, возле кухни моя палатка.

Первый егерь

Ну, здесь побойчей торговля пойдет!
А где, скажи-ка, шотландец тот,
Который повсюду с тобою шлялся?

Маркитантка

Пройдоха! Мошенником оказался.
Удрал и пожитки мои унес.
Не он добывал их, плюгавый пес!
Оставил мне вон того сорванца.

С о л д а т е н о к
(подбегая вприпрыжку)

Мать! Ты кого так? Опять отца?

П е р в ы й е г е р ь

Ну, это штука особого рода.
Войску ведь тоже нельзя без приплода.

У ч и т е л ь с о л д а т с к о й ш к о л ы
(появляясь)

Марш на занятия! Живо! Пора!

П е р в ы й е г е р ь

Видать, не по сердцу им муштра.

С л у ж а н к а
(подходит)

Уходят, тетушка.

М а р к и т а н т к а

Я сейчас.

П е р в ы й е г е р ь

Это что еще за красотка?

М а р к и т а н т к а

Дочка сестры. Состоит при нас.

П е р в ы й е г е р ь

Ага! И ты ей, выходит, тетка?

Маркитантка уходит.

Второй егерь
(удерживая девушку)

Куда же ты, девочка? Повремени!

Служанка

Гости ждут. Не могу. Ни-ни!
(Вырывается и уходит.)

Первый егерь

Лакомый кус! Недурна девица!
И тетушка, черт подери, хоть куда!
Помню, из-за нее, господа,
В горло могли мы друг другу вцепиться!..
Кого только в жизни не встретишь!.. Да...
А время-то, время бежит, как вода.
И что еще впереди случится!
(Обращаясь к вахмистру и трубачу.)
Ваше здоровье! В добрый час!
Нельзя ли подсесть к огоньку, ребята?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Вахмистр. Трубач.

Вахмистр

Благодарим от души. Сейчас
Мы потеснимся. Ну, как дела-то?

Первый егерь

Вам тут лафа. А вот наш отряд
Шел вражеским тылом... Пришлось туговато.

Т р у б а ч

Разве? Откуда ж такой наряд?

В а х м и с т р

Да, да. И в Мейсене и на Заале
Не очень-то хвалят вас.

В т о р о й е г е р ь

Как вы сказали?

Что это значит? Заткнись-ка, брат!
Не много возьмешь, где прошелся хорват.

Т р у б а ч

А это кружево, а рубахи,
А перья, как хвост у заморской птицы?
Что за штаны и какой камзол!
Любой носить бы за счастье почел.
Нет, к сожаленью, такие штуки
Не попадают богемцам в руки.

В а х м и с т р

Зато мы отборный герцогский полк,
И нам предпочтенье перед другими.

П е р в ы й е г е р ь

Вот так сказал! А какой в этом толк?
Мы тоже ведь носим Фридландца имя.

В а х м и с т р

Конечно, и вы — армейская масса.

Первый егерь

А вы кто? Выходит, особая раса?!
В мундире вся разни́ца. Мне покуда,
По правде сказать, и в моем не худо.

Вахмистр

Приходится вас пожалеть, дружище.
Средь смердов живете — и сами не чище.
Может понять благородный тон
Лишь тот, кто вблизи от высоких персон.

Первый егерь

Вблизи, говоришь, от высоких господ?
Как герцог сморкается, как плюет —
Это вы быстро схватили. А вот
В чем его гений, дух, так сказать,—
Того на плацу смотровом не понять.

Второй егерь

Дьявольщина! Иль зовемся мы зря
Фридландские дикие егеря?
И кличку, поверьте, не осраим.
Лихо скачем по землям чужим и своим,
Через рожь, через лес, коли нет дорог.
Все знают про егерский Хольков рог!
Словно смерч, нахлынем на вражий редут
С четырех сторон, когда нас не ждут.
Мы как пламя пожара, что ночью в дома
Вдруг ворвется и — можно сойти с ума —

Не сбежать и не выпрыгнуть из окон.
Жалость — по боку! К черту летит закон!
Только пепел да горького дыма запах.
Бьется девка в солдатских жилистых лапах.
Да мне-то что хвастать? Спросите
вестфальцев,

Помпят ли «хольковских постояльцев».
И там, и в Фохтланде, и в Байрете
Расскажут отцы, а затем их дети,
А через сотню лет — дети детей
Про грозных хольковских егерей!

В а х м и с т р

Оно и видно! Грабеж, разврат —
Да разве этим силен солдат?
Смекалка нужна, глазомер, напор,
Выправка, твердость, орлиный взор!

П е р в ы й е г е р ь

Нет, свобода нужна! Эх, постные рожи!
Что для солдата ее дороже?
Неужто сбежал я от школьных пут,
Чтобы столкнуться с муштрой и тут
И на заду натирать мозоли,
Сидя за партой, как в душной школе?
Весело, вольно хочу я жить,
Вихрем по разным странам кружить,
Счастье ловить, никогда не теряться,
Назад не глядеть и вперед не рваться.
Шкуру казне я решил загнать,

Чтобы забот никаких не знать.
В пекло ведите, в поток — все одно!
Пусть каждый третий летит на дно,
Пусть гром такой, что в глазах черно!
Не стану жеманиться, как невеста.
Но в остальном, извините, пас!
Сами трудитесь. А я — ни с места.

В а х м и с т р

Ну, а карман не тревожит вас?
Стало быть, не боитесь убытка?

П е р в ы й е г е р ь

Тоже была, доложу вам, пытка
У Густава Шведского. Вот позор!
Лагерь он превратил в собор.
Молись в отбой, молись на побудке,
На стрельбище и в караульной будке.
А чуть пошутишь — старик в обиде,
Канючит весь день, на коняге сидя.

В а х м и с т р

Набожный воин был.

П е р в ы й е г е р ь

Черт его драл!
С девкой лучше не появляйся.
Тотчас ее тащит в часовню: «Кайся!»
Ну и не выдержал я. Удрал.

В а х м и с т р

Сейчас там другой порядок стал.

П е р в ы й е г е р ь

Да. Поскакал я тогда к лигистам.
На Магдебург шли они с шумом и свистом.
Тут уж совсем иной разговор.
Весело жили. Размах! Простор!
Вина и девчонок на всех хватало.
Всадники были как на подбор.
Тилли знал толк в командирском деле:
Себя самого держал в черном теле,
Ну, а войскам не мешал нимало.
Только кассу его не трожь:
Сам не робей и других не тревожь.
Но вскоре все пошло по-другому,
После лейпцигского разгрома.
Куда ни сунься наш генерал —
Здесь неудача и там провал.
Входишь в деревню, стучишь наугад —
Ставни закроют и знать не хотят.
Так мы толкались туда-сюда,
От бывшего почета нет и следа.
Взял я задаток — и к Саксу в части.
Думал, авось улыбнется счастье.

В а х м и с т р

Что же. К самому пирогу
Вы подоспели.

Первый егерь

Куда там! Врагу

Не пожелал бы такой дисциплины.
От амуниции ныли спины.
Сутками стой на часах у дворца.
Смотры, поверки — и так без конца.
Боя, по сути, и не видали.
Что-то все мямлили, выжидали,
Этих боялись они и тех.
Словом, была не война, а смех.
Черт побери! Невтерпеж мне стало.
Я уж чуть к дому не задал драла,—
Попал бы в школьную мышеловку,
Если б Фридландец не начал вербовку.

Вахмистр

Долго здесь думаете пробывать?

Первый егерь

Покуда *тому* полководцем быть,
О бегстве и помышлять не буду.
Где я привольней житье добуду?
Все у вас на военный манер,
Что ни воин, то кавалер.
Самый дух, который в полках живет,
Словно ветер, завертит и понесет
Всех, до последнего пехотинца.
Ну и пошел! Добывай гостинцы!
Могу я бюргером помыкать,

Как наш Фридландец — княжеской
швалью.

Все здесь, как в прежние дни, —
благодать! —

Когда дело решалось мечом и пищалю.
Одно лишь считается за порок:
Невыполнение приказа в срок.
Делай, что хошь, коль не вышло запрета.
А какой ты веры — плевать на это.
И вообще существует лишь два предмета:
Что к солдату относится и что не
к солдату.

Для нас только знамя герцога свято!

В а х м и с т р

Ну, теперь я за вас спокоен.
Вы говорите, как истинный воин.

П е р в ы й е г е р ь

Служба не чином ему дорога.
Он императору — не слуга.
На кой ему черт император-то сдался?
Не шибко, видать, для него старался.
Ему и войско дают и сан,
А чем защитил он имперский стан?
Хотел он солдатское царство создать,
Мир подпалить, на куски разметать,
Всех в свои цепкие руки забрать.

Т р у б а ч

Тсс!.. Не болтай-ка, брат, ерунду!

Первый егерь

Что мыслю, о том я и речь веду!
«Слово свободно»,— сказал генерал.

Вахмистр

Да, это верно. Я сам слышал.
«Слово свободно, поступок нем,
Послушание слепо»,— внушает он всем.

Первый егерь

Он говорит это или не он,
Но только таков уж его закон.

Второй егерь

Счастье ему никогда не изменит,
Хоть других оно за нос водит, и как!
Где теперь Тилли? Кто его ценит?
А я вот встал под фридландское знамя
И знаю заране: удача с нами!
Да как же иначе, коли он маг!
Любой, кто служит в герцогской части,
Живет под охраной волшебной власти.
На каждом шагу говорят о том,
Везде открыто шумят, не смущаясь,
Что дьявол слугой состоит при нем.

Вахмистр

В том, что он связан с ним, не сомневаюсь!
Помню: в кровавом люценском деле

Скакал он под свист орудийной метели
В пекло, в огонь. Улыбался хитро.
Прямо в колет угодило ядро,
Пулями шляпу изрешетило.
Он ли со смертью иль смерть с ним
шутила —
Только на нем и царапины нет.
Мазь сатанинская — вот в чем секрет!

П е р в ы й е г е р ь

И вы поверили в байки эти?
Бросьте! Тревожите зря народ.
Просто он ходит в лосином колете.

В а х м и с т р

Нет! Тут зелье и приворот,
Поэтому смерть его не берет.

Т р у б а ч

Странные вещи бывают на свете!

В а х м и с т р

Вот, говорят, он по звездам судит
О том, что с нами со всеми будет.
Но суть не в звездах! Тут способ иной:
Сквозь закрытые двери порою ночной
Приходит к нему старичок в покрывале.
Его часовые не раз окликали.
И лишь он появится, как тотчас
Творятся большие дела у нас.

Второй егерь
Понятно! Отдался он черту в руки,
Поэтому мы и живем без скуки!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Рекрут. Горожанин. Драгун.

Рекрут
*(выходит из палатки, на голове жестяная
каска, в руке бутылка с вином)*

До свиданья, мамаша и отец родной!
Солдатом я стал! Не вернусь домой!

Первый егерь
Гляди-ка, еще привели новобранца.

Горожанин
О Франц! Господа, пожалейте Франца!

Рекрут
(поет)

Бой барабана!
Пушечный гром!
Новые страны
Там, за бугром!
В битву пора!
Сабля остра.
Кони заржали.
В дальние дали —
В лес или в дол,

Словно щегол,
Пой и лети.
Открыты пути!
Ура-а! Мне с Фридландцем
беда — не беда!

Второй егерь
Ей-богу, будет солдат хоть куда!
Они приветствуют его.

Горожанин
Оставьте его. Он из честной семьи.

Первый егерь
А мы кто? Подкидыши, черт возьми?!

Горожанин
Но у него капиталец тетин.
Пощупайте курточку: бархат добротен!

Трубоч
Глупости! Только мундир почетен!

Горожанин
Шляпная фабрика есть у отца.

Второй егерь
Не в этом счастье. Пойми, овца.
Горожанин
У бабушки москательная лавка.

Первый егерь

Фу! Серой вонючей несет от прилавка!

Горожанин

У крестной матери погреб вин,
Двадцать огромных дубовых бочек.

Трубач

Что ж, так и быть, разопьет не один.

Второй егерь

Дельно! Меня не забудь, дружочек!

Горожанин

Он невесту оставил в сердечной боли.

Первый егерь

Ну, значит, у парня железная воля.

Горожанин

Бабушку в лавке разлука скрючит.

Второй егерь

Тем лучше! Наследство скорей получит!

Вахмистр

*(подходит величественным шагом и кладет руку
на каску рекрута)*

Отрок! Ты правильный путь избрал.

Отныне ты человеком стал.

В каске и воинском снаряженье
Примкнул ты к достойнейшему окруженью.
Духом отваги проникнись, парнишка.

Первый егерь

Проникнись и... деньги не прячь в кубышку!

Вахмистр

На корабле фортуны, подняв паруса,
Намерен ты плыть, совершать чудеса.
Большие открыты тебе расстоянья.
Отважься! Надежда мертва без дерзанья!
Пусть топчется бюргер, тупое рыло,
По кругу, как на мукомольне кобыла.
Не то у военного человека!
Война! В ней сила нашего века!
Взгляни на меня. Вот я — капрал,
И палку мне император дал.
Запомни, юноша, мир не сладок,
На палке основаны власть и порядок.
Разве скипетр, всех приводящий в страх,
Не та же палка в монарших руках?
Важно добраться до чина капрала,
Это уж, как говорят, начало.
Со временем сможешь фельдмаршалом стать.

Первый егерь

Если умеешь читать и писать.

Вахмистр

Вот расскажу тебе для примера
Историю бедного офицера

По имени Бутлер. Стояли мы, брат,
Вместе под Кёльном — лет тридцать назад.
А кто он теперь? Генерал-майор!
Всюду идет о нем разговор.
Драгунский корпус. Почет. Права.
Возвысить его захотелось фортуне.
Мои же старанья остались втуне.
Да... А возьми самого Фридландца.
Наш полководец — всему глава.
Он — повелитель, известный герой —
Когда-то был так, дворянчик простой.
Но лишь подружился с богиней войны,
Достиг невиданной вышины,
За императором он второй.
И кем еще станет?..

(Лукаво.)

А впрочем, нечего
Загадывать утром, что будет вечером!

П е р в ы й е г е р ь

С малого начал — великим стал.
В Альтдорфе, будучи корпорантом,
Не слишком пыхтел он над фолиантом,
А дрался на шпагах и пиво хлестал.
В горячке едва школяра не угробил
И тем нюрнбергский сенат озлобил.
Они его — цап! — и на месяц в тюрьму,
Которую только пред этим открыли,
И окрестить заведение решили

Именем первого гостя... Ему
Как поступить?.. К удивленью господ,
Пуделя он пускает вперед.
«Собачьей» с тех пор та тюрьма и зовется.
Вот это парень! Люблю полководца!
Из всех его громких подвигов, право,
Тот случай мне больше всего по нраву.

Между тем служанка накрыла на стол. Второй егерь
заигрывает с нею.

Д р а г у н

(становясь между ними)

Эй, сосед! Осторожней! Ну-ка!

В т о р о й е г е р ь

Прочь, дурак! Куда тянешь руку?

Д р а г у н

Моя девчонка!

П е р в ы й е г е р ь

Вот те и на!

Ему одному, вишь, утеха нужна.

Да ты, приятель, в своем уме ли?

В т о р о й е г е р ь

Тоже перину нашел для постели!

В лагере девка — что солнца свет,—

Грейся каждый, отказа нет.

(Целует ее.)

Д р а г у н

(вырывает служанку из рук егеря)

Плевать хотел я на твой запрет!

П е р в ы й е г е р ь

Хватит вам ссориться. Надоели!

В т о р о й е г е р ь

Драться так драться, коли угодно!

В а х м и с т р

Мир, господа! Любовь свободна!

Я В Л Е Н И Е В О С Ъ М О Е

Проходят рудокопы и наигрывают вальс, сперва медленно, потом все быстрее. Первый егерь танцует со служанкой, маркитантка — с рекрутом; служанка убегает, егерь гонится за ней и принимает в свои объятия капуцина, который как раз появляется.

К а п у ц и н

Ай да веселье! Пир да гулья!

Примите в компанию и меня!

Вот она армия, войско Христово!

Турки вы? Анабаптисты? Кто вы?

В воскресный-то день — и такой вертеп!

Иль мните, что бог всемогущий слеп,

Что долготерпенье его без предела?

Или иного у вас нет дела,

Как ублажать в непотребстве тело?

Quid hic statis otiosi? ¹
Черти! Буяните то и знай!
А фурии смерти когтят Дунай.
Баварцы последней лишились твердыни,
Регенсбург в лапах врага отныне,—
А войско пирует! Вошло во вкус!
Брюхо растит и не дует в ус.
И мысли-то не о войне — о вине.
И точите вы языки — не клинки.
подавай вам быка да бабьи бока.
Где уж словить Оксенштирна-быка?
Разорен, обнищал христианский люд,—
А у войска жратва на уме да блуд.
Час великой вселенской кары настал!
Знаменья в небе грозят бедою,
И господь среди туч широко распластал
Огненно-красную мантию боя.
Он комету как розгу над миром занес,
Предвещая безмерные бедствия вскоре.
Церковь стала ковчегом в кровавом море,
И не реки текут, а потоки слез.
Возьмите *римскую-то* империю.
Зовут *пилигримской* везде теперь ее.
Рейнские *воды* — поток *невзгоды*,
Монастыри — пустыри, где живут упыри.
Пустыни превращены в *пустыни*,
Амвоны — в *загоны*, в святой *обители*
Свили гнезда себе *грабители*.
Благословенные наши земли

¹ Почему вы праздно стоите? (*лат.*)

Корчатся, адскую боль приемля.
Да тут и странного нет ничего!
Все через ваше идет скотство,
Через безбожье, которым объаты
Все — от полковника до солдата.
Ведь грех-то — он словно камень-магнит,
Который железо и сталь манит.
За лиходейством следует мука,
Подобно слезе после едкого лука.
Вначале — *покой*, а потом уж — *рыц*:
Взгляните в азбуку, молодцы!
Ubi erit victoriae spes,
Si offenditur Deus? ¹
В бордель от святых удираете месс
И смеете жить, на победу надеясь?
Гласит изречение: «Коль ищешь —
найдешь».

Скажем: евангельская вдовица
Сыскала утерянный ею грош;
Братьев — Иосиф; Саул — ослицу.
Но тот, кто ищет в солдатских рядах
Совесть, веру, божий страх,
Тот не сумеет найти их. Где там!
Хоть сто фонарей зажигай при этом.
Правда, другие случаи есть.
Можно у евангелистов прочесть
О том, как солдаты в пустыню явились
К отшельнику. Каялись там, крестились:

¹ Откуда взять надежду на победу, если погрешаем против бога? (лат.)

«Quid faciemus nos? — Что делать нам,
Чтоб в лоно вернуться твое, Авраам?»
Et ait illis — и он им изрек:
«Neminem concutiatis —
Не живодерничайте вовек;
Neque calumniam faciatis! —
Убойтесь лжи! — И сказал засим: —
Content estote — довольны будьте
Stipendiis vestis — окладом своим
И о подлых привычках ваших забудьте,
Ибо заповедь есть одна меж другими:
«Не тревожьте всуе господне имя».
Но где отвратительнее бранятся,
Чем здесь, у Фридландца? Скажите, братцы!
Коль на каждую молнию или гром,
Что вы призываете злым языком,
Церковь в колокола бы звонила,
В стране бы давно звонарей не хватило.
И если бы хоть волосок один
Выпадал за каждое «чертов сын»,
Что извергает ваш рот паршивый,
К утру вся бы армия стала плешивой,
Будь вы хоть с Авессаломовой гривой.
Взять Навина — он тоже солдатом был.
А Давид Голиафа пращой убил.
Но кто сказал вам, заблудшие овцы,
Что те были ерники и сквернословцы?
Ведь как будто ничуть не трудней сказать
«С нами божья мать!», чем «Бога мать!»
Однако известно: чем бочка полна,

То извергает наружу она.
И еще есть заповедь: «Не укради!»
Ее вы, как вижу, точно блюдете.
Зачем же красть, коль все даром берете?
От ваших уловов, угроз, обжорства,
Хитросплетений и крючкотворства
Дукаты хранить в сундуке что толку?
Из чрева коровы изымите телку.
С яйцом заодно берете курей.
Вспомните, как говорил иерей:
«Contenti estote»,—учил он, бывало.
Что вам — пайка полкового мало?
А впрочем, к чему вас бранить, когда
Сверху эта идет беда.
Каков поп, таков и приход.
Возможно, и в бога не верует тот.

П е р в ы й е г е р ь

Отец! Ты солдата как хочешь край,
Но полководца не трогай!

К а п у ц и н

Стой!

Ne custodias gregem meam! ¹
Ирод! Сведенья мы имеем,
Что подбивает народы он
Пойти к язычникам на поклон.

Т р у б а ч и р е к р у т

Эй ты, капуцин! Проваливай вол!

¹ Не стереги мою паству! (лат.)

Капуцин

Такой бахвал и хвастун никчемный!
Но аппетит зато огромный.
Хвалился во весь свой безбожный рот,
Что к лету крепость Штральзунд возьмет,
Будь она скрыта в небесных просторах.
Выкуси! Зря только тратил порох!

Трубач

Кто ему кляпом бы рот заткнул!

Капуцин

Вот чернокнижник! Вот царь Саул!
Гнусней Иуды и Олоферна!
Сам Люцифер! Исчадие скверны!
Не зря ему страшен петуший крик.

Оба егеря

Кончено! Крышка тебе, старик!

Капуцин

Лисица! Нет от него нам спасу!

Трубач и оба егеря
(наступая на него)

Луни его насмерть, дырявую рясу!

Хорваты

(заслоня капуцина)

Не бойся, попик, еще побудь!
А ну, из Библии что-нибудь!

Капуцин

(говорит еще громче)

И сей Навуходоносор надменный,
Архидьявол, посланный к нам геенной,
Известен под именем «*Валленштейн*»!
Не лучше ль назвать «*Убивалленштейн*»?
Как убийцу и первого негодяя?
И пока не избавитесь от Фридланда —
Не войско вы, а разбойничья банда!

При этих словах, произнесенных торжественным тоном, капуцин постепенно отступает в глубь сцены под прикрытием хорватов, сдерживающих натиск остальных солдат.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Т е ж е, кроме капуцина.

П е р в ы й е г е р ь

(вахмистру)

Что это он насчет петуха?
Наверно, выдумка, челуха?
Брешет для пушгего беспорядка!

В а х м и с т р

Как вам сказать? Да, не все тут гладко.
Есть такой достоверный слух,
Что у герцога странно устроен слух:
Не может слышать, как кошка мяучит,
А крик петуха его просто мучит.

Первый егерь

Ну, здесь полководец на льва похож.

Вахмистр

Малейший скрип — ему в сердце пож.
Любому строжайше шуметь запрещает.
Уж больно он важные вещи решает.

Народ сбегается.

Голоса

(в палатке)

Хватайте пройдоху! Бей его! Бей!

Голос крестьянина

На помощь! Спасите!

Другие голоса

Да что там? Эй!

Первый егерь

Черт их дери! Неплохая ссора!

Второй егерь

Ввяжусь-ка в драку!

(Убегает в палатку.)

Маркигантка

(входит)

Мерзавцы! Воры!

Трубач

С чего это так кипятишься, хозяйка?

М а р к и т а н т к а

Мазурик! Пьяница! Попрошайка!
И надо ж! В палатку ко мне попал!
При офицерах — такой скандал!

В а х м и с т р

В чем дело, сестрица? Узнать нельзя ли?

М а р к и т а н т к а

В чем дело? Да вот мужика поймали.
В фальшивые кости играл, подлец!

Т р у б а ч

Ого! Их двое: сын и отец.

я в л е н и е д е с я т о е

С о л д а т ы в о л о к у т к р е с т ь я н и н а .

П е р в ы й е г е р ь

Вздернуть его!

С т р е л к и и д р а г у н ы

К палачу! На правеж!

В а х м и с т р

Да. Приказ о шулерстве был строжайший.

М а р к и т а н т к а

Повесить! Тащите на сук ближайший!

В а х м и с т р

Что посеешь, то и пожнешь.

П е р в ы й а р к е б у з и р

(другому)

Все от нужды, брат. «Повесить его»!

Сперва разорят мужика до нитки...

А кто ему возместит убытки?

Вот и толкают на воровство.

Т р у б а ч

Как ты сказал? Да в какой это век

Не полагалась за кражу плаха? '

П е р в ы й а р к е б у з и р

Крестьянин тоже ведь человек.

П е р в ы й е г е р ь

(трубачу)

Брось их! Они из полка Тифенбаха.

Швед да жнец! Завизжат от страха!

В Бриге весь год в гарнизоне сидели,

Не шибко смыслят в солдатском деле.

я в л е н и е о д и н н а д ц а т о е

Т е ж е и к и р а с и р ы .

П е р в ы й к и р а с и р

Что за мужик? Прекратить скандал!

Первый стрелок
Шулер. Схвачен в одной из палаток.

Первый кирасир
Уж не тебя ли он обыграл?

Первый стрелок
Да. Обобрал с головы до пяток.

Первый кирасир
Вот как! И ты — фридландский стрелок —
Пал до такой унижительной страсти,
Что с мужиками пытаешь счастье?
А ну-ка, дядя, беги со всех ног!

Крестьянин убегает. Остальные подходят ближе.

Первый аркебузир
Здорово! Вот вам и приговор!
С этим народом — какой разговор!
Знать, не богемец. Гляди, как кроет!

Маркигантка
Валлонец он. Шутки шутить с ним не стоит.
Из паппенгеймовских он кирасир.

Первый драгун
(вступает в разговор)
Макс Пикколомини их командир.
В люценской битве сами войска
Избрали его командиром полка,
Когда Паппенгейму настал каюк.

Первый аркебузир
Ловко! И все-то им сходит с рук.

Первый драгун
Еще бы! На то уж и полк такой!
Всегда впереди, рвутся первыми в бой!
Свой суд у них. Сами за все отвечают.
Фридландец в них прямо души не чает.

Первый кирасир
(другому)
Так ли? А то ведь и врут порой...

Второй кирасир
Полковник сказал. Какие ж тут враки?

Первый кирасир
К чертовой матери! Мы не собаки!

Первый егерь
Вы чем-то взволнованы чрезвычайно.

Второй егерь
Уж не про нас ли тут речь, случайно?

Первый кирасир
Не сладко придется и вам, видать.

Солдаты подходят.
Хотят в Нидерланды нас всех угнать:
Конных стрелков, кирасир, егерей,
Всего восемь тысяч сабель, ей-ей!

М а р к и т а н т к а

Как! Значит, снова к голландцам?

Вот чудо!

Я лишь вчера воротилась оттуда!

В т о р о й к и р а с и р
(драгунам)

Драгуны, и вы собирайте ранцы.

П е р в ы й к и р а с и р
Особенно мы им дались — валлоны.

М а р к и т а н т к а
Ба! Все первейшие эскадроны!

П е р в ы й к и р а с и р
Будем свитой того, миланца,

П е р в ы й е г е р ь
Инфанта? Вот так, скажу, курьез!

В т о р о й к и р а с и р
Попа? Сам черт эту весть принес!

П е р в ы й к и р а с и р
Итак, по велению государя,
Покинем того, кто нам всех родней,
Испанцу своих отдадим коней,

Скряге, этой блевотной харе!
Нет! Не заманишь нас! Убежим!

Т р у б а ч

Что нам? Может, молиться с ним?
Императору будем служить в полку,
Но не испанскому колпаку!

В т о р о й е г е р ь

Мы служим герцогу — и конец!
Нечего нас посылать в Нидерланды.
Если б не герцог — родной наш отец, —
Сроду не видеть нас Фердинанду!

П е р в ы й д р а г у н

А разве Фридландец не едет с нами?
Наш закон — это герцога знамя!

В а х м и с т р

Не тратьте попусту время, друзья.
Болтовней добиться толку нельзя.
Вижу я дальше, чем все вы вместе:
За этим кроются злые вести.

П е р в ы й е г е р ь

Смирно! Слушать его слова!

В а х м и с т р

Тетушка Густель, налей сперва
Стаканчик, чтобы живот согрело.
Ну, а потом расскажу, в чем дело.

М а р к и т а н т к а
(наливая ему)

Вот, прошу вас... Ох, господа,
Неужели какая грозит беда?

В а х м и с т р

Видите, в нашей солдатской судьбе
Не вредно подумать порой о себе.
Но полководец дает совет:
Рассматривай в целом любой предмет.
Вот все мы зовемся герцогской ратью,
Бюргер квартиру дает нам без слов,
Варит нам суп, поставляет платье.
Мужик — тот последних своих волов
Отдаст для армии. Будьте любезны!
Жалуйся, плачь — тут уж все бесполезно.
Коли ефрейтор и семь кирасир
Заедут в какое-нибудь селенье,
Он вам и пастырь и командир —
Словом, верховное управление.
Сволочи! Съесть нас готовы со зла.
Им даже дьявол в обличье козла
Милее солдата в желтом колете.
Зачем же нас терпят, сукины дети?
Ведь не уступят числом и отвагой,
Дубиной владеют — как воин шпагой.
Так что ж не боимся мы этих бестий?
Затем, что мы страшная сила все вместе.

Первый сгерь

Да, да! Мы вместе — громадная сила.
Фридландец, тот вовремя смог понять,
Когда — лет десять назад это было —
Пришел он, чтоб войско себе нанять.
Двенадцать тысяч дадут, а он — королю:
«Ваше величество! Не прокормлю!
Не двенадцать тысяч давайте, а шестьдесят,
И сытым будет каждый солдат!»
С этих-то пор он над нами владыка.

Вахмистр

К примеру, кто-нибудь отруби-ка
Мизинец с правой моей руки, —
Решат желторотые дураки:
Старик вахмистр мизинца лишился.
Бараны! Да я без руки очутился!
Культа, обрубок, — что проку в ней?
И эти восемь тысяч коней
Для войска — мизинец. И горя мало!
Берите, дескать, не жалко нам.
Выходит, лишь пятая часть пропала?
Нет, врешь! Тут все полетит к свиньям!
Все к черту: достоинство, страх, почет.
Опять мужичье петушиться начнет.
Писцы из Вены запросят отчет
О харчах, фураже и квартирном расходе.
В общем — крышка былой свободе!
Да что там! Дождетесь, не ровен час,
Еще полководца возьмут от нас.

Сожрать его рада дворцовая знать,
Ей лишь бы повод какой сыскать.
Плевать ей, голодны мы или сыты.
Кто нам опора тогда и защита?
Кто столь влиятелен, столь силен,
Столь ясным разумом наделен,
Чтобы лоскутные наши дружины
Призвать, собрать и сплотить воедино?
Вот, для примера, драгуна возьмем.
Ты кто по рождению? Где твой дом?

Первый драгун

Я из Ирландии.

Вахмистр
(обоим кирасирам)

Вы вдвоем
Откуда явились? Ах да, вы валлоны.
С юга. Чувствую по жаргону.

Первый кирасир
Откуда я родом — скажу едва ли.
Меня почти сосунком украли.

Вахмистр
И ты ведь тоже нездешний. Нет?

Первый аркебузир
Я из Бухау.

Вахмистр
А вы, сосед?

Второй аркебузир
Из Швейцарии прибыл недавно.

Вахмистр
(второму егерю)

Вот.

А ты какого подданства, егерь?

Второй егерь
За Висмаром мой родитель живет.

Вахмистр
(указывая на трубача)

А я и он — наша родина Эгер.
Так-то. И кто ж догадаться мог,
Что мы, прилетевшие с севера, с юга,
Чем-то разнимся друг от друга?
Мы словно сбиты в единый брусок,
Стоим против недруга войском сплоченным,
Плечом к плечу, эскадрон с эскадроном.
Мы — как ветви на дереве на одном,
Мы друг друга с кивка одного пойдем.
Чья воля скрепила нас и сковала
Так, что различий меж нас не стало?
Герцог спаял нас, врагам назло!

Первый егерь
А мне-то и в голову не пришло,
Что между нами спайка такая.
Сам по себе я в строю шагаю.

П е р в ы й к и р а с и р

Верно!.. Вахмистр объяснил толково.
Они солдат загубить готовы,
Властвовать всеми не терпится им,
А мы у них на пути стоим.
Измена! Заговор в смысле прямом!

М а р к и т а н т к а

Заговор? Да разрази меня гром!
Как же с долгами? Ну, я пропала!

В а х м и с т р

Правильно! По миру все пойдем.
Многие здешние генералы
Для шику, для важности пушей подчас
Платят войскам из собственных касс.
Ну, и растратились не по средствам.
Думали, враг одарит их наследством.
Конечно, все их добро пропадет,
Если глава, если герцог падет.

М а р к и т а н т к а

(показывает долговую книгу)

Господи боже мой! Вот не лгу —
Пол-армии здесь у меня в долгу.
Граф Изолани — изволь, всмотришь ты —
Один мне должен талеров триста.

П е р в ы й к и р а с и р

Какой тут выход? Ребята, взвесьте!
С нами не сделают ничего,

Коли по-прежнему будем вместе,
Коли мы встанем за *одного*.
Пусть на приказы изводят бумагу,
Врастем в Богемию — и ни шагу!
Ни на какие марши, ни в какой поход!
Дело о чести солдатской идет!

В т о р о й к и р а с и р

Останемся здесь! Не пойдем никуда!
Напрасно вы сунулись к нам, господа!

П е р в ы й а р к е б у з и р

Друзья, одумайтесь! Как же так?
Императора воля ведь не пустяк.

Т р у б а ч

Плевать мы хотели на эту волю!

П е р в ы й а р к е б у з и р

Я вам кощунствовать не позволю!

Т р у б а ч

Но я останусь при том же мненье.

П е р в ы й е г е р ь

Да, да! И я так слышал не раз:
Здесь в силе только Фридландца приказ.

В а х м и с т р

На то особое есть соглашенье.
Имеет право наш командир

Войну объявлять и подписывать мир.
Захочет — арест на именье наложит,
Может казнить он и миловать может,
Производить в полковники и другие чины—
Огромные, словом, права даны
Фридландцу монархом. Так кто ж ему
равен?

Первый аркебузир

Герцог, конечно, могуч и славен,
Но он остается, как всякий другой,
Императору нашему только слугой.

Вахмистр

Нет, не как всякий! Господь с тобой!
Имеет не просто он чин офицерский.
Подобно баварцу, он князь имперский.
Разве глаза меня обманули,
Когда я в Брандейсе был в карауле?
Помню, с покрытым челом генерал
Перед самим Фердинандом стоял.

Первый аркебузир

Но это был особый парад:
Мекленбург он получал в заклад.

Первый егерь
(вахмистру)

При государе не снял он каску?
Ну, это прямо похоже на сказку!

В а х м и с т р
(что-то ищет в кармане)

Что ж! Если вас не проймешь словами,
Тогда извольте пощупать сами.

(Достает монету.)

Чей это профиль?

М а р к и т а н т к а

Дайте сюда!

Да тут Валленштейн и орел парящий!

В а х м и с т р

Вот вам! Довольны теперь господа?
Чем он, скажите, не князь настоящий?
Монету чеканит, торговлю ведет,
Имеет свою страну, свой народ,
Велит себя «светлостью» называть.
Значит, и войско может держать!

П е р в ы й а р к е б у з и р

Да ведь совсем не об этом спор.
Но мы-то служили кому до сих пор?
Кто платит нам деньги? Кто? Император!

Т р у б а ч

Все это я отметаю! Вздор!
Кто денег не платит нам? Кто? Император!

Сорок недель, как напрасно сулят
Выдать солдатам двойной оклад.

П е р в ы й а р к е б у з и р

Дело здесь верное. Честное слово!

П е р в ы й к и р а с и р

Хватит вам! Вы уж сцепиться готовы.
Разве о том разговор сейчас,
Что император нам не указ?
Напротив. Желая драться геройски,
Как рейтары в славном имперском войске,
Долгу солдатскому будучи рады,
Мы не хотим превратиться в стадо,
Чтобы попы, шарлатаны, дельцы
Гуртом нас гнали во все концы.
Или страдает монаршья честь,
Коли в войсках самолюбие есть?
Сами судите: ведь только солдатам
Обязан монарх тем, что стал потентатом.
Чьей, как не нашей, солдатской, рукой
Ему обеспечен почет такой?
Так за что же должны мы страдать под
ярмом
Тех, кто с ним жрет за одним столом,
В золоте ходит, важнее павы?
Ведь нам от богатства его и славы
Нет ничего, кроме бед и печали,
Кем бы себя мы в душе ни считали!

Второй егерь

Обычно великие люди мира
Мудрее смотрели на честь мундира.
Всех и вся повергали в страх,
Зато уж носили солдат на руках.

Первый кирасир

Надо иметь к себе уваженье.
Если в душе достоинства нет,
Брось аркебуз и снимай колет.
Раз уж я жизнью играю в сраженье —
Значит, удел необычен мой.
Или я просто скот для убоя
И, как хорват, ни полужки не стою.

Оба егеря

Правильно! Честь выше жизни самой!

Первый кирасир

Меч — не соха, не лопата, не плуг.
Мечами не жнут и не пашут, друг.
Не для нас золотые колосья шумят.
Бесприютен на свете солдат.
Он сквозь снег и сквозь ливень летит на врага.
Ни земли, ни домашнего нет очага.
Ослепительный блеск больших городов,
Крыши маленьких сел в струйках сизого дыма,
Виноградные лозы и сбор плодов
Мы лишь издали видим, шагая мимо.

Так какое ж добро у солдата есть?
Только доблесть его да солдатская честь.
Не сумеи мы гордости этой сберечь,
Оставалось бы только грабить и жечь.

П е р в ы й а р к е б у з и р

Видит бог — горемычная жизнь у нас!

П е р в ы й к и р а с и р

А по мне — лучше всякой другой в сто раз!
Посмотрите: объездил я целый свет,
Рассказов хватило б на много лет.
Кому не служил я? Короне испанской,
Неаполитанскому королю,
Затем республике венецианской.
И понял: счастья нигде не словлю.
Знавал я купцов, паладинов, пиратов,
Видал ремесленников и прелатов,
Но милей, чем в камзоле или в сутане,
Мне в этом железном моем кафтане.

П е р в ы й а р к е б у з и р

Ну, этого я бы сказать не мог.

П е р в ы й к и р а с и р

Кто хочет урвать пожирней кусок,
Должен спешить и сбиваться с ног.
Кто почестей жаждет, стремится к чину,
Под ношей златой пусть сгибает спину.

Кому семейная радость пужна,
Чтоб детки росли и толстела жена,—
Займись ремеслом да сиди на покое.
А мне так противно житье такое.
Вольно живу и помру на ходу.
Ближних не граблю, наследства не жду
И на людскую возню вокруг меня
С улыбкой гляжу с высоты коня.

Первый егерь

Браво, товарищ! Так мыслю и я!

Первый аркебузир

Еще бы, коли привычно вам
Всю жизнь скакать по чужим головам.

Первый кирасир

Эх, парень! Дурные пошли времена.
На меч и то упала цена.
Но пусть не подумают, что к мечу
Стремлюсь я и только войны хочу.
Я — человек и на поле боя.
Однако не дам помыкать собою!

Первый аркебузир

Кто ж виноват, как не мы, солдаты,
Что податные к стене прижаты?
Война — причина несметных бед —
Длится скоро шестнадцать лет.

П е р в ы й к и р а с и р

Видишь ли, брат, даже бог не в силе
Сделать так, чтоб все сразу довольны были.
Мы — солнцу рады, вас — зной гнетет.
Этот ждет вёдра, а ливня — тот.
Что для тебя лишь причина бед —
Для меня благодатный полуденный свет.
Я не спорю: три шкуры дерут с мужика
Да с бургера. Жалость к ним велика.
Но помочь не могу, хоть грех сознаю.
Это прямо как в рубке, в лихом бою:
Кони рвутся вперед — не сдержать никак.
Тут попробуй кто на дороге ляг!
Будь то сын родной иль отец-старик,
Разорви мне душу их страшный крик —
Всё равно растопчу, искалечу тела.
С пути не свернешь, не покинешь седла.

П е р в ы й е г е р ь

На то и воюем! Была не была!

П е р в ы й к и р а с и р

И если случилось в какой-то раз,
Что счастья луч блеснул и для нас,
Тут уж робеть и теряться обидно.
Недолго продлится война, очевидно.
Месяц-другой — и подпишут мир.
Вот и окончен солдатский пир.
Крестьяне — в ход, а солдатам — шиш!
И все по старинке пойдет, глядишь.

Но пока мы единое войско в стране
И, как говорится, еще на коне,
Мы не должны дробить эту силу.
Не то вся еда пролетит мимо рыла.

Первый егерь

Нет! Этому не бывать вовек!
Встанем стеной, как один человек!

Второй егерь

Правильно! Сдружимся в общем деле!

Первый аркебузир

(достав кожаную сумочку, маркигантке)

На сколько, тетушка, мы наели?

Маркигантка

Ладно, сочтемся без канители.

(Считает.)

Трубач

Давно вам пора по своим делам,

А то компанию портите нам.

Аркебузиры уходят.

Первый кирасир

Жаль их. Славные, в общем, ребята.

Первый егерь

Да. Только разумом не богаты.

Второй егерь

Давайте решать. Посторонних здесь нет.
Какой на приказ мы дадим ответ?

Трубач

А просто: Богемию я не покину!

Первый кирасир

Нельзя, господа, нарушать дисциплину!
Каждый пусть в корпус к себе идет,
Чтоб известить остальной народ.
Так, мол: получены грозные вести,
Поэтому надо держаться всем вместе.
Я за валлонов ручаюсь вполне.
Об их настроенье судите по мне.

Вахмистр

Части Терцки — конный и пеший строй —
Готовы за герцога встать горой!

Второй кирасир

(становится рядом с первым)

Ну, где ломбардец, там и валлон.

Первый егерь

Свобода для егеря — высший закон!

Второй егерь

Свобода там, где властвует шпага,
За Валленштейна костями я лягу!

Первый стрелок

Лотарингец бравый идет туда,
Где веселье и радость живут всегда.

Драгун

Ирландец верен счастливой звезде.

Второй стрелок

Тиролец вождя не бросает в беде.

Первый красир

Итак, пусть каждый полк, господа,
Рапорт напишет по форме и чести,
Что мы хотим оставаться вместе,
Что ни силой, ни хитростью и ни лестью
От герцога нас не отнять никогда,—
Потому как он солдату отец.
И все это надо вручить, наконец,
Пикколомини, я разумею — сыну.
Он понимает нашу кручину
И разберется в таких делах.
Фридландец его уважает — страх!
Вот не глядит, что других он моложе.
И во дворце с ним считаются тоже.

Второй егерь

Ясно! Давай! Порешили на том!
Пикколомини будет нашим послом!

Труба ч, драгун, первый егерь,
второй кирасир, стрелки
(все разом)

Пикколомини будет нашим послом!

(Хотят уйти.)

Вахмистр

Ну, по стаканчику — и пошли!

За Пикколомини Макса! Пли!

(Пьет.)

Маркигантка

(приносит еще бутылку)

Это бесплатно. Держи, земляк.

От сердца желаю вам всяких благ!

Кирасир

За то, чтобы воинство процветало!

Оба егеря

За то, чтоб нас бюргер кормил до отвала!

Драгун и стрелки

За армию! За боевое знамя!

Труба ч и вахмистр

За то, чтоб Фридландец командовал нами!

Второй кирасир

(поет)

Друзья, на коней! Покидаем ночлег!

В широкое поле ускачем!

Лишь там не унижен еще человек,
Лишь в поле мы кое-что значим.
И нет там заступников ни у кого,
Там каждый стоит за себя самого.

Во время пения остальные солдаты
приближаются и образуют хор.

Х о р

И нет там заступников ни у кого,
Там каждый стоит за себя самого.

Д р а г у н

Свободы теперь на земле не найдешь —
Застыли рабы на коленях.
И властвуют злоба, коварство и ложь
В трусливых людских поколениях.
И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

Х о р

И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

П е р в ы й е г е р ь

Он страха не знает, робеть не привык.
Опасность его не тревожит:
Навстречу судьбе он летит напрямик
И завтра с ней встретиться может.
Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Х о р

Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Стаканы вновь наполняются. Солдаты чокаются
и пьют.

В а х м и с т р

Он счастья не кланчит, а в битвах берет.
Шлет небо удачу герою.
Батрак, тот в земле копошится, как крот:
«Здесь, думает, клад я отрою!»
Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

Х о р

Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

П е р в ы й е г е р ь

Вот в за́мок, где лампы сияют в окне,
Сверкают, как сотни жемчужин,
Непрошенный гость на горячем коне
Прискачет на свадебный ужин.
Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать!

Х о р

Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать!

В т о р о й к и р а с и р

С чего тебя, девка, тоска извела?
Не плачь, все равно не поможет!
Ведь нет у него своего угла,
И верность хранить он не может.
Простится с тобой — помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Х о р

Простится с тобой — помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Первый егерь берет за руки двух рядом стоящих;
остальные поступают так же. Все участники сцен
образуют большой полукруг.

П е р в ы й е г е р ь

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят.
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон в игре боевой:
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

Х о р

Ставь жизнь свою на кон в игре боевой:
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

Хор поет. Занавес медленно падает.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	3
<i>Гартман фон Ауэ. БЕДНЫЙ ГЕНРИХ</i>	13
КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ. <i>Немецкая народная и школярская поэзия</i>	
Королевские дети	69
Крестьянин и рыцарь	73
Плывет с бесценным грузом	76
Исповедь архипиита Кёльнского	78
Кабацкое житье	84
Вейнсбергские жены	87
Была б ты немного богаче...	91
Маленький скрипач	93
Хозяин и подмастерье	96
<i>Ганс Сакс. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ДУРАКОВ</i>	101

СРЕДЬ МНОЖЕСТВА СКОРБЕЙ

*Из поэзии времен Тридцатилетней войны
(1618—1648 годов)*

Андреас Грифиус

Слезы отечества, год 1636	125
Величие и ничтожество языка	126
Мертвец говорит из своей могилы	127
Последний сонет	130

Мартин Опиз

«Средь множества скорбей...»	131
Жалоба	132
Пресыщение ученостью	133
Слово утешения среди бедствий войны	135

Фридрих Логау

Эпиграммы	137
---------------------	-----

Христиан Гофмансвальдау

Утренняя песня	139
Радость	140

Ангелус Силезиус

Изречения	142
---------------------	-----

Георг Рудольф Векерлин

Пирушка	144
-------------------	-----

Йоганн Рист

Жалоба Германии	148
Вечность	150

Ганс Гриммельсгаузен

Гимн крестьянству	152
-----------------------------	-----

Пауль Флеминг

К самому себе	154
«Зачем я одержим духовным этим гладом...»	155
Новогодняя ода 1633	155
К Германии	157

Пауль Гергардт

Перед распятием	159
Моление о дружбе	162

Абрагам а Санта Клара

Ночные музыканты	164
----------------------------	-----

Народные песни Тридцатилетней войны

Старый солдат	167
Песнь о гибели и злодейском разрушении Магдебурга	171
Генерал Хольк, умирая в 1633 году в Адорфе от чумы, говорит	173
Отходная Валленштейну	175
Голубь — птица голубая	177

*Иоганн Вольфганг Гете. ГАНС САКС НА СТА-
РИННОЙ ГРАВЮРЕ*

183

*Фридрих Шиллер. МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА.
ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА*

Мужицкая серенада	193
Вытрезвление Бахуса	196
Достоинство мужчины	199
Мудрецы	203
Лагерь Валленштейна	206

НЕМЕЦКАЯ СТАРИНА

Редактор

С. Ошеров

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Ковнацкая

Корректор

М. Муромцева

Сдано в набор 14/XII 1971 г. Под-
писано к печати 15/IX 1972 г. Фор-
мат 70×90¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. 8,5 печ. л., 9,9 усл. печ.
л., 8,3 уч.-изд. л. Тираж 25 000.
Зак. 443. Цена 47 коп.

Издательство «Художественная
литература». Москва, Б-78, Ново-
Басманная, 19.
Книжная фабрика «Жовтень»
Комитета по печати
при Совете Министров УССР,
Киев, ул. Артема, 23а.

